

современный любовный роман

Юлия Прим

Аню́льтер

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

история одной измены

18+

18+

Юлия Прим

Адюльтер. История одной измены

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Прим Ю.

Адюльтер. История одной измены / Ю. Прим — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта история о любви. Разной. Чистой. Порочной. О ее потере и обретении. О познании и принятии самого себя. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	20
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	44
Глава 14	49
Глава 15	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

В оформлении обложки использована фотография автора melancholiaphotography с <https://pixabay.com>

Глава 1

Это было обычное утро. Солнечное, спокойное, не предвещающее каких-то ярких потрясений и взрывов эмоций. Отдых тянулся размеренно. За бортом – плюс тридцать пять. Очарование восточного колорита постепенно сошло на нет и стало просто обыденным. Если в первые дни попадания в сказку – из зимы в лето тыловишь взглядом различие культур, красоту окружающей природы, будоражащие воображение пряные запахи и искренние улыбки вокруг, то по прошествии двух недель ты привыкаешь, рондишься с пространством, уже не смотришь на окружающий мир столь восторженными глазами и просто живёшь, размеренно, гармонично. Пение маленьких птиц на балконе, освежающий солоноватый запах моря, обжигающее солнце, уже находящееся в зените, раскаленный полосатый шезлонг, прекрасный вид на европейски оформленный ландшафт, который с балкона открывается настолько, будто смотришь с высоты птичьего полета, бескрайнее море, вернее лишь часть его – залив, тихая бухта. И неизменно – кружка терпкого кофе в руках. Не это ли счастье? После дождливой, серой и унылой московской зимы... Вдалеке знаменитая приятельная башня, на которой был каждый, попавший в Паттайю. С неё виден весь город... А я степенно люблюсь подошедшими к берегу скоростными катерами, в которые уже загружают наполненными нетерпением туристов и везут к горизонту – на кристально чистые пляжи с прозрачной водой и белым, словно мука, песком. Уличные торговцы и макашники с искренними улыбками, на ломаном английском желают прохожим доброго утра. Это Азия. Здесь всегда так. Другой мир, другие нравы, абсолютно другой ритм жизни. Непривычный, спокойный, как ни парадоксально, спонтанный, подходящий любому! Искренний и живой. Я люблю Тай. Очарована им с первой поездки. Этот взрыв эмоций, испытанный долгие семь лет назад... Сюда хочется возвращаться. Отдыхать душой. Жить и радоваться со всеми. Быть, хоть на короткий месяц пребывания здесь, одним из счастливых фарангов, чье сердце навсегда покорено и пропитано местным колоритом.

Ежегодные поездки притупляют ощущения, но это уже потом, не сразу. Выходя на трап самолета и, вдыхая с улыбкой обжигающий горло глоток воздуха, ты ощущаешь себя счастливым, будто вновь прилетевшим домой.

Обычное утро... Закинув ноги на перила балкона, я неспешно пила остывающий кофе. Сигарета медленно дымилась в хрустальной пепельнице. Ещё пять, от силы десять минут спокойствия, времени наедине с собой... Потом проснется ребенок. Выйдет курить на балкон, недовольный обжигающим воздухом муж, и день станет тянуться размеренно. Тихо. Спокойно. С неторопливым отдыхом у бассейна, обедом в местной кафешке напротив и вылазкой на шопинг в торговые центры, в надежде переждать там самую жару. Все как всегда в эти дни. Отдых для души, нервов и мыслей. Дзэн. Не принимая буддизм, здесь ты как-то само собой начинаешь жить по его законам. Атмосфера пропитывает, настраивает, умирляет. Легкое белое платье без бретелей, струящееся волнами и так эффектно подчеркивающее длинные загорелые ноги. Красный купальник, большие очки, слегка спрятанные выбившейся из незамысловатой прически русой прядью волос, полотенце и босоножки без каблука. Что ещё нужно для хорошего отдыха? Ах да, стоящая в углу, доверху набитая игрушками и плавательными принадлежностями сумка для дочери. Главное – дотащить это до лифта, не растеряв ничего по пути, а уж там услужливые мальчики, обслуживающие кондо, с удовольствием помогут донести всё до бассейна. Пожелают приятного дня, наговорят комплиментов и улыбнутся белоснежной улыбкой. Это Тай! Здесь всегда так...

Первые дни меня принимали за немку, здоровались исключительно копируя акцент. Это всё пшеничные волосы и ещё, говорят, глаза. Они у меня лисьи: большие, серо—голубые... стеклянные, как сказал бы муж. Так и есть. Ведь правильно говорил классик: "Глаза женщины горят лишь в двух случаях: от любви или от горя". Мои же, видать, пусты и равнодушны. Поте-

ряны? Нет. Ни капли. Я люблю свою жизнь. Четко выработанные планы, которые непременно воплотятся. Стабильную работу, на которую, как жена хорошего мужа, хожу показывать свои наряды, иногда, правда ещё и руководить, но наряды показывать чаще. Люблю тишину и стабильность. Контроль над эмоциями. Спокойствие. Тишину. Хотя вроде о ней я уже говорила. У меня такой муж. Трудоголик со стажем. Умеющий хорошо отдыхать. От меня. Без меня.

Считающий, что его миссия состоит лишь в том, чтобы заработать достаточно денег, отвезти нас с дочерью на курорт, с милой улыбкой всучить в руки кредитку и уйти в себя. Развлекайтесь, девочки!

Хотя, может быть оно и не плохо? Часто думала над этим поведением, но так и не пришла к консенсусу. Привыкла к такому... За восемь лет брака слишком привыкла к нему.

– Так чего ж тебе, милая, не хватает? – уточнил разум.

– Встряски, – так и хотелось вторить в ответ.

"Не каркай!" – явилась первая здравая мысль. – "В своем болоте тепло и уютно. Спокойно..."

Глава 2

Пара сотен в кармане и до обеда можно не возвращаться в студию. На фруктовую тарелку и пару свежавыжатых ледяных шейков хватит сполна. И не надо думать о вещах, картах... Здесь вокруг тишина. Огороженная территория, своя охрана на выходе в город, персональный ключ от спуска к морю – ты в полной безопасности. И это прекрасно. Если бы не одно «но». Каждый твой шаг, любое движение при желании можно отследить по камерам, а они здесь повсюду. Не верите? Стоит лишь повнимательнее присмотреться вокруг. Бронируя кондо подобно View Talay, ты платишь больше за свою безопасность и комфорт. Тебя охраняют 24 часа. Хотя есть ли здесь преступность? За столько лет не встречала, правда, говорят, мне везло. Тебя охраняют. При этом, зная о тебе всё. Был бы спрос – поступит предложение о продаже. Это Тай. Здесь так можно.

В нашем комплексе почти нет русских. Одних отпугивает цена, другие желают жить в более колоритном районе, третьи приезжают в Паттайю за дозой адреналина, им плевать, где жить, порой они ночуют на пляже, упиваются местным "Sam Song" и снимают девочек... если повезёт. Ведь это Тай. Он полон сюрпризов. Туристов видно с первого взгляда. Они возбуждены до предела. Им хочется выпить, попробовать всё неизвестное, затарить чемоданы дешевой одеждой, сгореть за пару часов под палящим солнцем на островах и сделать селфи с Золотым Буддой. Эту стадию эйфории проходит каждый. Во второй раз становится легче, ты учишься смирению. По законам буддизма – не растрчиваешь энергию по мелочам, не чувствуешь гнева – улыбаешься! Говорят, это исцеляет. В любой непонятной ситуации таец искренне улыбается. До скрежета зубов. Даже если ему отчаянно хочется Вам врезать, он всё—равно улыбается! Дзэн. И я тоже спокойна. Уравновешена. И готова к новому дню. Солнце, освежающий бассейн, привычный мне угол свободен. Есть от чего улыбнуться! Искренне! От души! Раскладываю вещи рядом с пожилой немкой, раздеваюсь, пара приветственных фраз и вот она уже согласна пригладеть со своего лежака за дочкой в детской зоне, пока я схожу к бару за фруктами. А за это я принесу ей холодное пиво, взамен её опустевшего бокала. На часах всего девять утра – всем плевать. Ты волен делать то, что хочешь. Вокруг никто никуда не спешит. Мы фаранги, а не туристы. Спускаюсь к бассейну, тщетно шурясь от солнца, ведь на той стороне позабыла очки. Иду, улыбаюсь, приветствуя знакомые лица завсегдатаев. В основном это мужчины, отчаянно пытающиеся из последних сил за собой следить. Немцы, американцы, англичане... почти всем под 60, а то и с огромным рывком повыше. Молодежь отдыхает в центре. Джомтхен – тихий спальный район. Наверное, оттого моего мужа абсолютно не беспокоят мысли о том, чем в данный момент занята дорогая жена. Телефон лежит рядом, но он не позвонит. Знает – мы придем домой к вечеру или раньше, если закончатся деньги. Так зачем друг друга беспокоить?

Ловлю себя на мысли, что порой чувствую себя свободной. Не привыкнуть бы... не расслабиться... В Москве точно такого спуска не даст. Ставлю фрукты, отдаю немке пиво – растягивается в благодарной улыбке. Улыбаюсь в ответ. Какой же чудесный оказывается сегодня день, а я с утра как-то и не заметила. Даю наставления дочери, обхожу по периметру детскую зону. Вот оно – моё любимое место – стык двух бассейнов. В первом всего полметра, во втором сразу метр восемьдесят. Поправляю волосы, стойка и рыбкой под воду. Вошла почти идеально! А ведь когда-то сердилась на маму, поднимающую меня в шесть утра, чтобы к семи отвести на занятие по плаванию. Оказалось, всё в жизни вполне может пригодиться. Интересно, а пять лет физики тоже не прошли даром? Или химия? Может от скуки научиться хоть мыло варить? Или по совету Паланика добавить капельку нитры... Эх, какие мысли только не придут в голову.

Выныриваю у параллельного берега. Поднимаю голову, упираясь взглядом привлекательного блондина. Никогда его раньше не видела, хотя на этой закрытой территории трудно не

примелькаться друг другу. Цепляюсь за край бассейна, пытаюсь успокоить дыхание после двадцати метров под водой. Сидит, нахально улыбается, видать, принимая частое колыхание груди над поверхностью на свой счёт. Медленно прохожусь взглядом по спортивной фигуре, мокрому ёжику светлых волос... приятной ванильной мордашке... Встречаюсь глазами в упор. Голубые, как поверхность спокойного моря. Дерзкие, с явной чертинкой внутри. Озорно улыбается. Подмигивает. Вот же хамство! Такого себе ещё никто не позволял! Неужели не заметил кольца? Хотя, было бы трудно. Муж над этим потрудился, выбрал самое громоздкое, как кандалы, оковы... такое вряд ли упустишь. Кто же ты? Явно не русский. Француз? Нет, не похоже. Слишком правильно скроенный профиль... никогда не встречала красивых французов. Немец? Возможно... даже, скорее всего... та же жесткость в манерах. Останавливаю выбор на американце. Почему? Из-за хамства? Наглости? Банальнее – рядом футболка с надписью "Clippers LA". Усмехается. Кривлюсь в ответ. Хочется фыркнуть! Никогда не терпела блондинов!

Отдышалась? Плыву к своему берегу. Не моё. Пусть и слишком приметный. Вылезаю, проверяю дочь. Пара фраз доброжелательной немке... Выжать волосы, распустить – пусть просохнут. Подхожу к широкой кромке бассейна, чтоб погреться, прилечь. Невольно взглядом возвращаюсь к блондину – он ровно напротив. Задорно салютует "привет". Внутри медленно возрастает бесящий отголосок. Поворачивается в профиль, перекидывается с кем-то парой фраз... прослеживаю взглядом... и натыкаюсь на НЕГО. Посреди летней веранды, прямо перед кромкой бассейна, на белом кованом стуле, покрытом мягким полотенцем, восседает неприужденно, с голым торсом, закатав легкие бело—красные шорты по самые... кхм... Ох! Лучше переместить взгляд повыше! Или опустить вниз на сильные спортивные ноги... Господи! Да о чём я думаю? Отвернуться! Немедленно! Или хотя бы натянуть на нос очки, спрятав томный взгляд. Крепкие руки небрежно легко лежат на подлокотниках стула. Медленно размеренно дышит, вздымая накаченную грудь. Широкие плечи, сильная шея, от которой изогнутыми линиями на спину и левую руку расходится завораживающее тату... Руны? С такого расстояния не разобрать. Как бы мне хотелось пройти по ней языком, аккуратно собрав стекающие капли воды...

Нервно сглатываю, облизываю пересохшие губы... Не могу отвести глаз! Он словно манит, хотя и не замечает, что я смотрю на него в упор... Или разрешает вдоволь насладиться увиденным? Плевать. Я уже и так задержалась дольше положенного. Вальяжная поза. Сидит на самом солнце. По животу медленно стекают струйки воды... куда-то вниз, за линию шорт... Чёрт! Да подними же ты хоть глаза, хватит пялиться на его область пупка! Выше! Раз уже способна оторвать взгляд! Грудь, плечи, шея, идеально выбритый череп... сумасшествие! Правильные черты лица. Не парень с обложки. В нем чувствуется стержень, жесткость, доминантность... сталь. Темные глаза, будто не видящие ничего вокруг. Ему плевать – он знает, чего стОит. От некоторых мужчин хочется покурить после секса. С этим я бы выкурила "До"... от одного его вида. Самец. Хозяин жизни. Властитель. Кто ж тебя создал таким? Сомневаюсь, что Господь приложил к этому руку... Демон. Обольститель. Где там голос моего разума? Притих? Какого черта не уберег? Куда подевался мой ангел—хранитель? Отдыхает? Или, как я, глядя на Него, плавится в сторонке, как сыр на горячей булочке???

– Fuck!

Отвожу взгляд, натыкаясь на непонимание немки, приспустившей книгу. Неужели я сказала это вслух? Громко? Огляделась вокруг – всеобщего внимания не привлекла.

– Entschuldigen Sie, – произношу пересохшими губами без старания смягчить.

Улыбается лишь уголками и тихо кивает.

Проверяю довольную дочь, сильнее пряча глаза под очки и подсохшие волосы. Возвращаюсь на бортик. Не смотреть туда! Да! Именно это я и собираюсь сделать! Не смотреть на Него! Никогда! Ох, встает со стула и одним движением ныряет под воду, даже не волнуя спо-

койную гладь. Внутри всю трясет от этого зрелища. Задерживаю дыхание и с чувством выдыхаю, когда он поднимается над водой. Неописуемо красивый, мокрый, гладкий, пленительно блестящий... Черт! Сам чёрт отойдет в сторону при виде тебя! Затмишь! Растлишь лишь взглядом... Кусаю губы до крови... Не замечая... лишь ощущая солоноватый, стальной привкус во рту. Струйки медленно стекают по скулам, вблизи вижу пульсирующие вены на шее... как бы мне хотелось оставить на них поцелуй... а лучше след от зубов! Заклеймить собою! Чёрт! Да что же ты творишь? Кому мне молиться о возвращении разума? Низ живота нестерпимо обжигает желанием... что это, Господи? Ты вообще меня слышишь??? Почему никто вокруг не замечает этого Аполлона? Как они могут заниматься своими делами? Та стайка девушек слева? Эй? Вы слепые??? Неужели ЭТО вижу лишь я? Избрана? Проклята... не иначе! Легко подтягивается на руках, вылезая из бассейна, вытирается полотенцем. Ах, эти сильные руки... Сожми меня в них! Сломай ребра! Проткни легкие! И это будет самым лучшим напоследок, что я могу испытать за свою жизнь! Погуби меня! Уничтожь! Только не уходи из поля зрения... не сейчас! Дай ещё пару минут на то, чтобы запечатать в памяти каждую мелочь. Что ты творишь? О чем твои мысли? Ты где вообще? Нормальна? Здорова? Больна... телом и духом. Где же ты, мой ангел—хранитель? Как же тебе потом будет стыдно... Трель звонка где-то рядом. Одна и та же мелодия по кругу... знакомый рингтон... мой. Встаю на негнущихся ногах и иду отвечать. Нажимаю зеленую, без предисловия выслушиваю монолог от подруги, предлагающей с энтузиазмом сгонять в "Фестиваль". Соглашаюсь. Благодарю. Вторя не своим, сломленным голосом:

– Крис, ты только что спасла меня от самоубийства.

– У тебя отвратительное чувство юмора, – смеется подруга и дает отбой.

Отвратительное. Верно. Так же, как и у тех, кто играет судьбой на небесах! Или мои карты давно проданы Дьяволу? Плевать... уже на всё плевать. Монотонно собираю ребенка, желаю немке доброго дня и, не оборачиваясь, ухожу через задний вход. Пусть и дальше, но парадный не светит – рядом сидит Он...

Парадный выход – для победителей, а я сегодня проиграла... одну битву? Партию? Нет. Целую жизнь...

Глава 3

Зайдя домой, перекинулась с мужем дежурными фразами, отчаянно пряча глаза. Он не заметил. Действительно. Или просто мастерски сделал вид. Оцепенение постепенно сошло на нет. Будто и не было ничего там, у бассейна. Не захватило безумием, не разыгралась фантазия, отключившая мозг, вкупе с желанием. Что это было?

– Мираж, не иначе. Солнечный удар, получить который здесь совсем не редкость... Захлестнувшее воображение... Он простой парень. Молодой, привлекательный. Один из многих. Забудь! Колыхнул давно позабытые чувства – скажи спасибо и иди дальше! Иногда такая встряска даже полезна, а-то заскучала, расслабилась, перестала благодарить судьбу за то, что у тебя есть. Тишина. Спокойствие... раздавленное напрочь одной случайной встречей. Случайной ли? Усмехаюсь, нервно покачивая головой. Говорят, где-то свыше прописан каждый наш шаг. Предопределен. И мы по сути не имеем права выбора... пешки, марионетки в чьих-то жестоких руках. Шаг вправо, шаг влево – получи наказание! Почувствуй сполна! Загни от самобичевания... и вернись на истинный путь, не пытаясь больше свернуть. Карма! Видать, в прошлой жизни, детка, ты неслабо нагрешила! По поверьям буддизма, родиться бы тебе дворовой собакой... низший уровень перевоплощения души... Так что перестань себя сжирать заживо! Заткни развопившееся внутри самолюбие и забудь! Было и было! Ты слишком легко отделалась, уж поверь... Да, не такой, как все. Да, ни один из мужчин, за твои двадцать шесть, никогда не вызывал таких чувств, подобной отключки разума, не ломал волю одним присутствием и желанием ползти к нему на коленях, дабы обратить на себя внимание, заслужить хоть один снисходительный взгляд. Похоже, он тебя даже не заметил! Забавно, не правда ли? А ты уже готова была наматывать слюни на свой кулак. Ну, так радуйся! Говорю ж – легко отделалась! Испытала то, о чём многие мечтают и грезят годами! Улыбнись же! И иди себе дальше, тебя же ждут, не забыла?

– Проснулся всё-таки, – я уж подумала, голос разума похоронен под грудой осколков самолюбия, – а нет! Проходи, дорогой, устраивайся поудобнее. Теперь долгими темными вечерами нам будет, что с тобой обсудить... Или заткнись уже напрочь. И без тебя тошно...

Переодеваюсь, наношу макияж, улыбаюсь натянуто. Вроде та же я, что и с утра, да только что-то не то: усталость в глазах от переизбытка эмоций, ударной дозы адреналина... Начинает отпускать. Спутанные движения пальцев, медленное хождение взад—вперед... Остался лишь легкий привкус сумятицы в мыслях, чувство вины, смущение за картинки, мелькающие перед глазами, и ощущение, что это была не я, а двойник в том же облики. Развязный, распушенный, другой. Я такой быть не умею! Не хочу! И не буду!

Вещи собраны. Второпях выходя с дочкой, хлопаю дверью и направляюсь к дороге из комплекса. Мазнув взглядом, понимаю, что на пустой дороге под палящим солнцем с ребенком можно долго ждать свободный "Тук—тук". Полдень. Все на пляжах, у бассейна или в освежающих ТЦ. Беру "байк—такси". Моя дочь к ним с года приучена. Для туристов это выглядит дико! Для нас – обыденность. Здесь байки везде, это самый простой и быстрый способ передвижения. Усаживаю ребенка между собой и водителем, закрепляю сумку, надеваю ей шлем, сама обойдусь: немного проветрить мысли – это самое лучшее, что доктор прописал. Едем... С ветерком... Вне знаков. С уже привычным левосторонним. Это Тай. Здесь правила лишь для туристов. Минуем центр, съезд на знаменитую "Walking street", сейчас она открыта, как и обычная "Бичка". Приморская улочка с кучей магазинчиков и закрытыми до шести барами. Подъезжаем к "Central Festival", расплачиваюсь, благодарю, получая взамен порцию комплиментов и широкую улыбку... За это я и люблю страну.

Поднимаемся по нескончаемым эскалаторам на верхние этажи, минуем множество брендовых магазинов, дорогих дизайнерских бутиков... даже не цепляюсь взглядом. Нам нужен

детский центр, он выше, чуть в глубине. Там нас встречает Кристина, загорелая ухоженная брюнетка, с сыном Вовкой, пяти лет. Моя дочь на год младше, но это не мешает им прекрасно ладить, а парнишке – её по—братски оберегать. Отправляем детей в чудо—комнату на полтора часа, там ими займутся аниматоры, а сами направляемся в ближайшее кафе. Настроение на нуле. Под бесконечное щебетание Крис пытаюсь выдавить искреннюю улыбку. Выходит паршиво.

– Что с тобой? Ты не заболела? Приехала бледная, словно смерть.

Усмехаюсь, отшучиваюсь, но её не провести.

Разражается тирадой с бесконечным количеством вопросов, которые начинают бесить. Предлагаю выпить! Может хоть это поднимет упавшее настроение. В ожидании заказа рассматриваю милую Крис. Почему я, не имеющая от неё ни единого секрета, вдруг молчу? Не вешаюсь на хрупкое плечо в соплях, слезах, рассказывая ей, как жестоко обошлась со мной судьба? Почему не могу высказаться, чтобы стало легче? Чтобы суметь отпустить этот прилипчивый образ из памяти?

– Потому что ты не с кем не хочешь ЕГО делить. Это твоя тайна. Только твоя. А ещё не хочешь падать ниц в глазах подруги! Нарушать идиллию, что у тебя всегда всё хорошо. Не хочешь жалости! Ты не выдержишь её жалости! А Крис очень добра, она начнет сочувствовать и плакать с тобой. В какое дерьмо вы превратите дружескую встречу? Да. Лучше просто выпить и свалить всё на нарастающий пмс. Так проще. Так легче. А переболею им за пару дней, и, глядишь, стану прежней. А расскажи всё Кристине, так придется об этом еще вспоминать.

Официант подает Маргариту с дыней. Она бесподобна здесь. Успокаивает, умиряет, заставляет смотреть на мир более оптимистично. Как раз то, что надо! Единственно верное.

– Лиз, что случилось? – канючит подруга. – С мужем поругалась? Ведь сама не своя...

– Да знаешь же, это невозможно. У нас тишь и гладь. Мир и покой. Просто устала. Может, возьмешь Катюшку на ночь к себе? Пижамная вечеринка и все дела... Я в долгу не останусь, заберу как-нибудь Вовку на день. Улыбается.

– Что задумала?

Вообще в планах была большая бутылка Мартини, пачка сигарет, свежесть морского заката и вечер самобичевания. Но ведь всего не расскажешь... особенно близкому человеку. Станет переживать за идиотку подругу, названивать, наставлять.

– Хочу сделать сюрприз мужу. Всколыхнуть забытые чувства...

Нажрусь в хлам, как бывало за эти года крайне редко, и выведу на скандал... пусть это перекроет зудящую рану. Клин клином. А может просто трахнуть с ним? Вложить всю страсть? Представляя на месте мужа Его... и разбередить душу ещё больше! Нет! Такого делать нельзя! Пусть останется приятным мальчиком у бассейна, без ассоциаций в сексе! Иначе сойду с ума... иначе совсем пропаду...

Глава 4

Он целовал властно... Сжимая до боли одной рукой мои бедра, нахально задирая подол платья. Другой же удерживал меня за шею, не давая даже возможности уйти от жесткого поцелуя. Сладкого, заводящего, обжигающего...

Периодами пропуская, как кот, прижавший мышке хвост и гоняющий её по кругу... Покусывал губы... с улыбкой, пытаюсь рассмотреть что-то в моих пьяных глазах. Отражение себя, замутненное желанием. Он действовал медленно. Дразнил. Ухмылялся. Скользил рукой по бедру, ловко закинув ногу на себя. Вдавлив собой мою спину в цементный забор – неровный, царапающий до боли, в кровь. Как я объясню потом эти отметины? Нет! Нет... продолжай...

Ни на миг не отпускает мою шею, не даёт возникнуть и мысли, что я могу сбежать, усомниться в решении, обдавая горячим дыханием пересохшие губы... Облизывает, посасывает... Отвечаю со стоном. Сжимаю до боли в суставах его крепкие плечи, обнимаю, притягиваю, кусаю в ответ. Моё! Пусть и на краткие доли секунды! Задирает до пояса платье, подкидывает вторую ногу и вдавливая в стену с удвоенной силой. С криком, болью, желанием, выпускаю из легких оставшийся воздух. Припечатана, порабощена, приколочена... Освободив руки, снимает футболку, дает насладиться увиденным... Даже в темноте видны выделяющиеся красные отметины от моих рук. Смеюсь, целую, утыкаюсь носом в его кожу, ловлю легкий пьянящий аромат... Одурманивающий, сводящий с ума... Да куда уж больше!!! Темнота у забора скрывает это безумие. Единственный тайный уголок. Сюда не доходит свет фонарей, не охватывают надзором камеры – я на это надеюсь! Господи! Как я на это надеюсь! Пешеходная дорожка делает круг, но сейчас слишком поздно для прогулок. Только б не прошёл с фонарём охранник!

Обвожу языком витиеватое тату, медленно, с чувством, возвращаясь на шею, целую, кусаю... готовая вырвать кусок, оставить себе частичку вожделенного тела, почувствовать вкус его крови на языке. Чуть отстраняется, придерживая меня лишь бедрами. Улыбается, слизывая кровь с моих губ – всё-таки заклемила...

Опускает моё легкое платье с плеч, собирая куском тряпки на поясе, оголяя грудь. Впечатывает в цементную кладку уже голой спиной, вдавливая в кожу малейшие каменные зазубрины. Не могу сдержать крик – затыкает, приглушает поцелуем вырывающиеся звуки. Жестко, без намека на нежность, втягивает мои губы в себя, кусая их в кровь. Вырваться? Не хочу... только сдаться. Без остатка! И пусть потом себя не прощу. Прижимаюсь сильнее к горячему телу. Истерзанная морально, немного физически... Полная желания продолжать, быть его. Всецело принадлежать. Сгореть в аду за этого мужчину... Поглаживаю идеально выбритый череп, прохожусь языком по виску, собирая солоноватый пот... Сейчас только мой! Приторно сладкий, нереальный и такой родной... Слышу с треском порвавшееся кружево, улыбаюсь, закрываю глаза. Голова кружится от нетерпения. Низ живота крутит клубком от желания. Обжигает дыханием кожу... Взяв в ладони его лицо, нежно целую в ответ. Отстраняясь, отдирает от стены кожу, легко подкидывает выше на своих руках. Удерживая на весу одной рукой, другой стягивает шорты. Делаю глубокий вдох, как перед прыжком... выдыхаю с громким стоном, когда он резко входит в меня, вновь припечатывая к стене. Перехватывает дыхание от чувства наполненности, такой гармоничности внутри... Обхватываю ногами сильнее, вдавливая его бедра до предела. Не сдерживая крика, отдаюсь нарастающему ритму. Отрешаюсь. Сознание кружит виражами, кидая то вверх, то вниз от переизбытка чувств.

Из экстаза выводит бодрый голос старушки, проходящей буквально в полуметре от нас: – Gute Nacht, Frau Lisa...

Просыпаюсь с криком. В холодном поту... Бешено озираюсь в темноте своей спальни, пытаюсь понять, где реальность, а где просто сон. Мартини, щедро сдобренный сигаретами, ещё не выветрился. Голова раскалывается, будто церковный колокол. Тщетно ищу рукой халат.

Ах, да, муж сам раздевал и заботливо укладывал после выпитого буквально с горла. Попытки вывести его на скандал, пощекотать нервы, выплеснуть злость, успехом не увенчались. Обозвал пьяной идиоткой, закинул на плечо, как куклу, и понес в направлении спальни. Образцовый у меня муж! Только вот с женой ему не повезло...

Стараясь не будить, медленно иду на балкон, достаю сигареты, допиваю залпом остатки мартини в бокале.

Сладко, аж приторно.

– С ликером мешала? Вот дура! Действенное было б с водкой! Учить тебя, дорогуша, жизни, да учить, – вторит разум.

– Заткнулся бы уже, и без тебя головной боли хватает...

Закуриваю. Не спеша подхожу к перилам. Чудесный вид. Залитый огнями город, сияющий и манящий... и чего мне, дуре, дома весь вечер сиделось? Вытащила б мужа в бар потанцевать! Трахнулась бы с ним после, и никакой тебе эротики во сне. А в итоге ты лишь нажралась... как свинья! Перед мужем обидно. Да и как теперь избавиться от поволоки сна? От такой реальной, пленительной, зовущей к себе нереальности. Подхожу к стеклянной двери, отражающей словно зеркало, поворачиваюсь боком – на спине ни следа. А ведь эта боль была так реальна! Рассматриваю пересохшие губы... Облизываю. Ни следа...

– Это сон, детка. Это всего лишь дурной сон...

Но такой пленительный и живой...

Глава 5

Мысли мчались по кругу, как вороны перед ненастьем, судорожно перекрикивая друг друга и предвещая беду. Я так и стояла в одном белье, облокотившись на прохладные перила балкона, вдыхая свежий морской воздух, смешанный с табачным дымом вокруг. Хрустальная пепельница переполнена смятыми окурками. Сколько времени уже я пытаюсь прийти в себя? Отдышаться? Избавиться от преследующих по пятам видений? Несколько часов, не меньше. Алкоголь давно выветрился, не принес с собой должного освобождения. Какая теплая летняя ночь... свежая, успокаивающая. Скоро рассвет. Над полосой горизонта уже немного светлее. Город становится тише. Меньше машин на дорогах, последние туристы разъезжаются спать. С первыми проблесками зари пронесется оглушающий гул мотоциклов. Местные спешат на работу, развозят детей в школы и сады. Все чем-то заняты. Важным. Необходимым.

– А ты? Что было в твоих планах, детка? До этого рокового взгляда... разрушившего тебя пополам?

– Да разве важно, что было До? Сейчас я хочу скорее вернуться в московскую серость... в дождь, в котором нет места улыбкам, в котором не видны тоска и слезы. В безразличную массу недовольных людей, вечно спешащих и негодующих оттого, что ты, сбивая с ритма, попадаешь им на пути. Хочу стереть из памяти призрачный образ. Навсегда. Забыть. Вернуть свою тихую, спокойную жизнь. Без страстей и эмоций, лишних энергозатрат. Просто жить. Знать, что ждать от завтрашнего дня. Строить планы на будущее и четко следовать их исполнению.

– И что будем делать? Стащим из бара бутылочку покрепче? Порадуем мужа новой порцией драйва? Или поплачем в сторонке, коря злодейку судьбу? Эх, чем же он так тебя зацепил...

Сама не понимаю... ведь совершенно не мой типаж. Слишком самоуверенный, ко всему равнодушный, но есть в нём какая-то чертинка. Первая мысль, загоревшаяся словно лампочка в диснеевском мультике, сообщала, что он идеальный. Ни для всех, ни для кого-то в отдельности – для меня. Эта мысль медленно и упорно, словно червячок, свербит и пробивает дорогу к глубинам подсознания, с удобством устраиваясь там, разрастаясь, затмевает собой все близлежащие эмоции и мечты. Я хочу его. Отчаянно, дико. Я бегу от него. Без оглядки. Я дорожу своей жизнью. Мысленно топчу каждую мелочь, когда-то дорогую сердцу, представляя рядом его бархатные губы и темные, как уголь глаза... В них пылает огонь, дьявольское пламя, в котором я готова мучительно плавиться... бесконечно... не прося пощады. Не умоляя понизить градус эмоций. Торжествуя, ликуя, наслаждаясь и прося подбавить ещё.

– Мазохистка, твою мать...

– Не без этого, – соглашаюсь с нервным смешком.

Надо хоть поблагодарить мужа за проявленную заботу. Повиниться напоследок, показать лояльность. Не зря ж меня терпит все эти годы... Как давно мы с ним перестали показывать чувства? Целоваться при встрече? Страстно, нежно... как раньше... в начале. Вместо банального прикосновения щек. Оставшись наедине, говорить о нас, вместо обсуждения дочери, рабочих моментов. Слишком давно.

Забыли с годами о подаренных обещаниях заботиться друг о друге, поддерживать, любить.

А ведь наша история начиналась довольно красиво. Без фонтана эмоций. Сдержанно. Он вел себя так по-мужски, наверно, этим и зацепил. Мне было всего лишь шестнадцать... High—school, каникулы, лето и, кажется, всё впереди. Оптимистка с озорными глазами. Много легких поклонников вокруг. Слишком доступных, неинтересных. Слишком юных. Да, я не была идеальной. Мне хотелось азарта! Страсти, красивой сказки, любви! И вдруг на пути появляется он. Взрослый, одетый со вкусом, пахнущий дорогим парфюмом и неизменно занятой. Мы

познакомились как-то случайно. Я слегка навеселе, в объятиях парня с первого курса, набрала номер друга, приглашая присоединиться и за городом загудеть. А попала к нему... сразу и не поняв, что восемнадцатилетний пацан не может иметь в голосе такого стержня. Он поздоровался скупой, выслушал, не перебивая, вежливо отказался от приглашения. Я рассмеялась и извинилась, через минуту позабыв о недавнем звонке. Прошло всего пара часов. Он позвонил, сказал, что подъехал, назвав лишь номер машины. И я пошла, отшивая на ходу юного переростка. Не боясь. Не задумываясь о своей безопасности. Не страшась... Покорно села вперед. Поздоровалась скромно. Обдавая парами алкоголя привлекательного брюнета, на вид так лет тридцати. Среднего роста, хотя точнее не скажешь. Коротко стрижен, неплохо сложен. Простые черты лица, но есть что-то строгое. Похож на учителя. Улыбаюсь. Выдаю пьяный смешок. Хмурит брови, разглядывает. Не нравлюсь, явно! Не в том состоянии. А он вот очень хорош! Скромно и дорого одет. Салон пропах освежающим запахом, приятным, сильным, мужским! Влюбилась с первого взгляда? Нет, слегка заинтересовалась. Берет рукой за челюсть. Удивляюсь! Вот это напор! Смотрит с пренебрежением и выдает:

– Так и знал. Тебя давно мать не порола?

Усмехаюсь, говорю, что нет. Меня и в жизни не трогали.

Выпускает из рук. Бросает скупой:

– А зря...

Он не спросил ничего кроме моего адреса. Под мои причитания отвез домой, сам позвонил в дверь и посоветовал сонному отцу вкатить мне хорошенько ремня. А потом просто ушел, несмотря на мои от обиды поджатые губы.

Через месяц мы встретились. Случайно, на улице. Он подошел и представился, будто я могла не узнать. Спросил о принятых мерах по перевоспитанию. Усмехнулась, что зад уже зажил, хотя мне не пригрозили и пальцем. Ёрничала. Обижалась. В тот момент ненавидела! Улыбнулся. Оставил в покое. Ушёл.

Прошло около года, я и думать забыла... Вновь лето, жара. Ночной клуб. Я танцую. С чувством, страстно, развязно. Для себя. От души. Выключается музыка, останавливаюсь, расслабляюсь, натыкаюсь на знакомые глаза. Медленно выдыхает дым, ломая сигарету о пепельницу. Встает, подходит, перекидывает через плечо и несет на воздух. Кричу, отбиваюсь, пытаюсь поправить задравшуюся вверх юбку – не реагирует, будто колочу по стене. Усадил в машину, захлопнув замок, чтобы не убежала, сел рядом сам, завел мотор и отвез домой, перевоспитывать.

Через три месяца мы поженились. Он меня любил, и я это знала. Без фанатизма. Тихо. Смирено. Практически об этом не говоря. Он меня исправил. Научил жить спокойно. Уважать, понимать, хранить верность, любить... Оплатил мне учебу, сам же нашёл работу, чтобы держать на контроле, рядом, знать всё, наблюдать. А сейчас расслабился, позволил птичке выйти из клетки, думая, что никуда не денется, раз окольцевал. Забавно. Я ведь тоже верила в это. Жила тихо, спокойно. Все эти годы не виляла хвостом, хранила верность и, казалось, любила. Не могла и представить перемен в своей жизни. Захлестнувших эмоций, неизведанных ранее, сумасшествия, безумия, затмившего разум с первого взгляда... Разве это я??? Возможно, отголосок той девчонки. Но не сейчас! Я не могу сломать годами создаваемые уют и спокойствие... я не могу! Или всё же да?

Солнце над морем уже восходит... слишком много полемики... и всё не те слова! Не нахожу себе оправдания, с чувством нашкодившего котенка лезу будить мужа. Забравшись сверху, нежно целую шею, грудь, губы... не закрывая глаза. Я не должна забывать, кто передо мной. Ни на миг! Не закрывая глаза! Трепетно, вложив всю таящуюся в глубине страсть, и пусть не к нему... Но я вижу на кого растрчиваюсь. Тягостно... но полностью отдаюсь! Удивляю! Возбуждаю до предела! И... не закрываю глаза. Ни на миг! Ведь я его люблю... своего

уютного и спокойного... Люблю? Хэй, разум, ау? Опять затаился? Отмалчиваешься... Сво-
лочь! Я люблю мужа! Люблю... Понимаешь...

И вот пытка закончена... Выдавливаю глупую улыбку. Прячу глаза... ненавижу! Корю
себя за слабость. Ищу предлог побыстрее свалить. На часах шесть утра – самое время для
пробежки! И плевать, что свалюсь через пару километров. Надо просто уйти из этой постели.
Неуютной... давящей... какой-то не той...

Не с тем...

Быстренько переодевшись, пока муж собирается в душ, вылетаю из студии, кинув в рюк-
зак необходимые вещи. Аккуратно закрываю дверь. Чувствую себя школьницей, сбежавшей от
родителей в ночь. Остаюсь наедине с собой. Прикасаясь спиной к косяку двери, будто он спосо-
бен дать мне защиту, закрываю глаза и медленно сползаю на пол. Успокоившись, достаю сига-
реты, готовая закурить прямо здесь, сидя на пыльном коврике в легком топике для бега, корот-
ких розовых шортах и черных кроссовках со шнурками к ним в тон. Ванильная девочка...
пресытившаяся комфортной, беспроblemной жизнью. И какого черта мне не хватает? Нервно
смеясь, качаю головой. Сажу, вытянув ноги на пол ширины коридора, с закрученными на
макушке волосами, красными глазами от недосыпа, алкоголя и подступающих слёз. Зажимаю
опухшими от недавних поцелуев губами толстую сигарету, чиркаю зажигалкой, когда открыва-
ется дверь соседа напротив. Наше кондо на каждом этаже представляет собой один сплош-
ной, длинный светлый коридор с ячейками студиями с обеих сторон. Муравейник, в котором
не скрыться из виду.

Поднимаю вверх усталые глаза, своим видом явно смущая пожилого немца. Твою ж мать!
Мужу обязательно доложит о психопатке жене. Закуриваю, так и сидя на коврике. Сомневаюсь,
что в последние несколько лет кто-нибудь поражал дедулю больше.

Выдавливает из себя:

– Guten Morgen, Frau Lisa...

С неуместным:

– Wie geht es Ihnen? (Как Ваши дела...)

Ухмыляюсь, курю... Как по—немецки «х**во»? Не учила... а зря. Сразу бы понял и
валил бы подальше со своей любезностью.

– Что ж ты такая злая-то стала? – брезжит, словно старик, разум.

Фууух... Ещё затяжка, поглубже. Вкладываю в приветствие всю благодарность за внима-
ние к моей скромной персоне. Вежливо интересуюсь, как поживает любимый сосед. Мысленно
считаю до трёх и молю про себя, чтобы дедуля скрылся с глаз моих побыстрее, не разводя
дискуссий о погоде, прекрасной воде в бассейне и отвратительном кофе, который варит Фрау
Тхепхи. А она, между прочим, названа в честь королевы! Так что мог бы относиться к старушке
тайке поласковее. Уходит с полуулыбкой. Вот и славно. Правда, вредная стала. Докуриваю.
Туша окурков о плитку у двери, встаю, подключаю наушники, рюкзак за спину, и, не дожидаясь
лифта, иду к пожарному выходу. Двадцать первый этаж. Плевать. Громкость на полную и с
рывком вниз. Volle kraft voraus... (полный вперёд). Надо выбить мысли из головы хоть болью,
пусть физической... может, она заглушит ту, что накрывает морально???

К нижним этажам ноги начинают гудеть. Продолжаю спуск, лишь слегка увеличив гром-
кость. Выкинув из мыслей всякий мусор, как утверждал мой инструктор: "Приходя на трени-
ровку, в первую очередь тренируем мозг! Мышцы присоединятся за ним". Действовало б тут
как в математике – от противного.

Открываю дверь первого этажа, чуть не завернув ниже на подземную парковку. Миную
любезного тайца, глядящего на меня слегка округленными глазами. Иду в минимаркет за дозой
энергетика перед пробежкой – иначе не выдержу, после всего просто свалюсь. Направляюсь
вглубь комплекса по изогнутой каменистой дорожке. Приветливый мальчик открывает магнит-
ную дверь – благодарю, остановившись вдохнуть море полной грудью... запечатать в памяти

запах сосен, переливы воды, лоснящийся солнечный свет... На мгновение мелькает мысль, что это надо запомнить. Непременно таким – тихим, сонным, живым... Ведь я больше могу сюда не вернуться. Сделав маленький шаг... изменив свою жизнь... Достāju сигареты. Гоню мысли—стервятники. Да с чего я взяла? Справлюсь! Переживу! Притворюсь! Позабуду со временем... Боль не сможет быть вечной. Ко всему привыкаешь... Даже жить с самим собой в этом аду... Сложно первое время. Стереть образ из памяти, позабыть об иллюзиях, наделенными им... Не встречаться! Не думать! Уйти с горя в беспмятство? Усмехаюсь наивно... ты любима другим... Как лирично... Банально и глупо! Намечтала, создав реальный фантом. Призрак, блуждающий в мыслях... Уютно устроившийся в моих желаниях и снах... Недотрах! Стопудово! И без лишней романтики... Ведь я даже не в курсе его имени, возраста! Вдруг женат? Отец кучи детей? Маньяк? Изогранный садист? А, может, он вообще гей? Улыбаюсь безумно... мальчик таец присматривается. А меня эта мысль веселит до предела. Вот бы точно попала! А блондин"ка" "жена"! Стою нервно хихикаю. Малой точно подумает, что курю травку. Улыбается дружески. На ломаном английском желает удачного дня. Улыбаюсь в ответ. Жизнь не может быть серой!

Громкость на предельную и бежать! Вперед! По брусчатой дорожке, вдоль берега моря. Наслаждаясь рассветом, одиночеством, единением с собой. Улыбаюсь! Иногда так же хихикаю. Закрепив и сладостно растягивая мысль, что он всё же гей! Ведь не может человек быть идеальным настолько! Всегда есть минусы, плотно спрятанные под кожу! Вылезая на поверхность огромная куча дерьма. Не бывает без изъяна! Я ж не глупая девочка, и мужчин вроде знаю... Эх, огребла бы с ним сполна. Хватит. Только вперед! Ноги сладко потягивает. Боль разливается по телу. Мышцы начинают гореть. Улыбаюсь! Это лучшее, что можно было придумать! Это мой выход. Мое лекарство от бешенства. Только дорожка, боль, море и я. Ничего лишнего. Никого лишнего. Свобода от разума, от чувств, от себя. Приотельная площадь. Здесь надо заворачивать в город, либо скидывать кроссы и бежать по песку. Останавливаюсь отдышаться. Залпом выпиваю бутылку воды. Ловлю внезапный порыв, скидываю на песок рюкзак и лишние вещи, пробегаюсь по шатающейся понтонной кромке, огораживающей разрешенный к заплыву участок, и ныряю в глубину. Туда, где ходят моторные лодки. Куда запрещено заплывать.

Утро. Тишина. Плюю на условности. Вниз! В темноту! Теряя отблески света. Туда, в глубину... лишь там спокойствие и тишина. Успокаиваются мысли. Здесь легко и свободно... в висках пульсирует кровь, плыву буквально по дну. Надо мной около четырех метров воды, давящей на легкие, маленькими пузырьками выпускающей из них воздух. В моем распоряжении меньше минуты. Надо всплывать. Потом начнётся головокружение, жжение в легких, хаотичная попытка сделать глоток. Вырваться на поверхность из-под давящей массы. Переполюющий страх, конвульсивная попытка сознания включить на полную сохраняющий инстинкт... Выжить. Выбраться. Победить. Я это всё проходила. Из-за страха ты тонешь, дезориентируешься в пространстве, растрчиваешь силы и остаток воздуха впустую. Мечешься зверем в попытке спастись. Так я познакомилась с лучшим другом, давно, одним далеким счастливым летом, которое могло стать для меня роковым. Димка спас, откачал, выбил страх, научил с ним справляться. И вот теперь здесь я не чувствую ничего кроме тишины. Успокоения, против которого начинает бунтовать тело. Ещё тридцать секунд, больше не выдержу. Можно распрямить руки, закрыть глаза, разжать губы и спокойно уйти, больше не увидев пробивающийся с поверхности свет. Нелепая смерть. Глупая. Детская. Ты заслуживаешь взрыва эмоций в конце. Борьбы до предела. Взгрызания зубами в малейшую возможность остаться, а не смирения. Слишком просто. Неинтересно. Легко.

Рывком всплываю, цепляясь непослушными руками за пластик. Судорожно хватаю воздух, восстанавливая дыхание. Море обволакивает, успокаивая, словно любящая мать. Море лечит. Зализывает глубокие раны. Одобряя солью, чтобы выболели, засыпает их нежно пес-

ком. Хоронит мысли, развеивая их пеплом над своей поверхностью. На не держащих ногах иду по шатающемуся понтону. Добираюсь до песка и, обессиленная, падаю на него. Облака – скользящие, легкие, словно белый воздушный зефир, проплывающий над головой. Из забвения вырывает обеспокоенный голос незнакомца:

– Are you Ok?

Успокаиваю, отвечая с улыбкой.

Всё хорошо. Всё лишь так, как должно быть. Вновь спокойно. Смиренно. Тихо. Легко. Поднимаюсь, стряхивая с тела налипший песок, надеваю кроссовки, делаю в наушниках громкость повыше и неспешно бегу домой. Не растрачиваю эмоции в пустоту. Бегу к четко поставленной цели. Пальцем обвожу золотое кольцо. Бегу к своему тихому, родному, пытающемуся сдержаться, способному простить и понять... Бегу попытаться восстановить потерянное равновесие... Доказать, что способна делать выбор. Осознанно, а не импульсивно лететь к мечте.

Вновь калитка комплекса и тот же мальчик, провожающий взглядом. Мокрые волосы, одежда с прилипшим песком. Поднимаюсь на лифте, не рискнув повторить марафон. Абсолютно пустой коридор. Тишина напрягает. Всё вокруг будто вымершее. Учащенный стук сердца... звоню. Открывает, смеется, осматривает. Улыбаюсь... Выбор сделан. Я здесь. Я с тобой... Буквально вталкиваю в проход, по пути избавляясь от ненужной одежды, засыпая пол мелким прибрежным песком. Притягивая к себе, с чувством целую, дразня, играя внутри языком... Не отстраняясь, прижавшись грудью к свежему телу, интуитивно веду за собой. Утыкаюсь в кровать. Не сдержав равновесия, падаем, заливая спальню смехом, давно не отражающимся от этих стен. Позволяю вести... нежно, качественно, смиренно... гоня от себя мысли о том, чего я в реальности хочу. Он не справится. Мой тихий, спокойный. Не поднимет руку и не выпорот, хотя есть ведь за что. Не накажет, связав... Не заставит молить о пощаде... Даже если признаюсь... Даже если сорвусь. Он уйдет в себя и найдет мне оправдание. Накричит? Да, возможно... только был бы смысл. Остываю в процессе, закрываю мыслью всплывшие картинки. Гоню прорывающийся в памяти образ. Жесткий, напористый, абсолютно другой. Такой бы не сдерживался, приколол телом к кровати, сжал до хруста костей, разорвал бы собой. Сгинь! Уйди! Даже думать не смей о подобном! Томно, нервно вздыхаю... Тихо жду окончания. Сымитировать что ли? Иль потерпим ещё? Стопарю себя в желании посмотреть на часы. Запустить время чуть быстрее. Увеличить ритм. А раньше ведь не жаловалась. Перехватываю инициативу, доводя его до разрядки.

– А сама? – обижается разум.

– Как-нибудь обойдусь.

Останавливаю порыв мужа обнять и оставить в постели. Ссылаюсь на песок в волосах и топаю в душ. Закрываюсь, включив воду, долго смотрю на неё, не решаясь зайти на ступеньки. По щекам медленно катятся слезы, не принося должного освобождения. Не успокаивая, а лишь бередя. Из запотевающего зеркала, на меня смотрит потерянная, усталая, жалкая, неудовлетворенная женщина. Ползу вниз по двери, не желая видеть эти глаза... безжизненные... чужие... оледенелые... В них не осталось желания жить. В них лишь пустота...

Глава 6

Наверное, в душе я провела слишком много времени, потому что из бесчисленного виража мыслей, меня вывел стук в дверь и вопрос мужа, всё ли у меня нормально.

– Уже выхожу, – ответила сухо и только тогда решительно залезла под струящийся душ.

Следовало забрать дочку от Кристины как можно раньше и не злоупотреблять её добродушием. Это я и намеревалась сделать, оповестив благоверного. Он не соизволил поехать со мной. Почему? Наверное, решив, что у него есть более важные дела, более интересные... Не видя в том, что я поеду одна через весь город ничего предосудительного. Не думая о том, что в данный момент я совсем одна, и он абсолютно теряет контроль над моим местоположением...

А мне эта мысль пришлась по душе. Уютно расположилась и стала наблюдать со стороны, что же из этого выйдет... Говорят, "если ты однажды обманул близкого человека, это вовсе не означает, что он глуп. Просто тебе доверяли на много больше того, чем ты того заслуживаешь..." Противно осознавать, что так и есть. Мириться с тем, что ты уже занесла ногу на полшага над пропастью, и впереди у тебя лишь одна неверная мысль, единственный незначительный выбор, и вот ты уже летишь вниз, разбивая на осколки все, чем дорожила эти года. Таща за собой принципы, составляющие твою жизнь, психологически уравновешенное состояние, все личностные качества, выделяющие тебя из серой толпы. Оставляя взамен... А оставляя ли что-то? Радость...? Удовлетворение...? Безумие... столь притягательное, но стоящее ли свою цену???

– Не узнаешь, пока не рискнешь... в сторонке посмеивается разум.

Похоже, ему самому интересно насколько яркие приключения я могу огрести на свою нетронутую пятую точку. А в глазах уже почти разгорается ещё совсем маленькая искорка, слабый огонек, оповещающий прилегшую с комфортом мысль о том, что я всего лишь хочу пару часов погулять... одна... всего пару часов! А потом поеду к Крис. Она поймет меня. Всегда понимала...

Выбираю легкое, короткое голубое платье, босоножки без каблука, закалываю волосы в французскую ракушку и, стараясь избегать прямого взгляда, сообщаю мужу, что уехала забирать дочь.

В ответ получаю монотонное:

– Хорошего дня.

Укололо немного... но ведь я не собираюсь совершать что-то плохое... я просто немного развлекусь. И ему совсем не обязательно об этом знать. Это маленькая ложь во спасение... не более. Небольшая доза эмоций, без которой я загнусь, словно рыбка, которой беспечные хозяева забывают включать кислород.

Выхожу, вдыхаю воздух свободы. Вспомнился команданте с его трактатами о революции... свою персональную я только что совершила. Моя маленькая победа над настоящим. Небольшая жизнь для себя... не зависящая от обстоятельств...

– Как мало тебе надо для улыбки? Всего лишь припустить поводок...

– Эх, утрируй. Насмехайся. А я сейчас счастлива! Как никогда за последнее время.

Беру мотобайк и еду в "Royal" в одно из самых лучших в городе кафе и за самым сногшибательным платьем, которое смогу там найти! Я хочу провести это время с улыбкой! Непременно! Лишь для себя! Для души!

Шоколадно—клубничная "розетка", украшенная листиком мяты и политая клиновым сиропом... Я люблюсь на неё уже более пяти минут, не рискуя нарушить красоты и совершенства! Как ребенок, попавший на шоколадную фабрику, сижу и с удовольствием осматриваю всё вокруг. Разношерстный народ, обсуждающий свои планы, ловлю отрывки доносящихся фраз... С интересом рассматриваю из окна оживленную улочку, будто вижу её впервые! Живой

оркестр у фонтана, собравший уже приличную публику... Как же я давно перестала это всё замечать! Сколько же красок вокруг!

Так, покончить с мороженым и идти на поиски платья! Лучшего! Идеального!

Эх... Моя маленькая революция... Оно непременно будет красным! Заметным! Желанным! Словно знамя выкинутое вперед... Такое нашлось, обойдя с десятков магазинов. Любуясь в зеркало на выходе из примерочных, от восторга прикусываю нижнюю губу, я и не заметила, как сбоку, не попадая под прямой обзор зеркала, подошел приятный, зрелый мужчина и с легкой хрипотцой в голосе спросил:

– Who are you? Angel or Demoness?

Покачивая головой, с широкой улыбкой, ответила, что пока и сама не поняла, к какому виду принадлежу...

Платье я взяла. Красное. Вырывающее из толпы. Толстые бретели красиво подчеркивают открытую шею, корсетная стежка эффектно акцентирует грудь, уменьшая талию, акцентируя бедра... Струющийся подол с длинным шлейфом придает ему нежности. V-образный крой на спине, оголяет её лишь полунамеком... призывая посмотреть что же таится внутри... Нет, это платье не может принадлежать ангелу... да и быть им в нём крайне сложно... Но я не стала его снимать. Я заслужила ещё немного свободного времени, которое с такой жадностью растаскивали по углам часы. Блуждать по лабиринтам торгового центра больше не имело смысла и, решив немного прогуляться до Кристины по берегу моря, я направилась к выходу из "Рояла" в сторону "Бички". Практически дойдя до дверей, резко остановилась, вспомнив, про музыкальную группу, расположившуюся у фонтана, перед парадным входом и с улыбкой рванула туда. Немного послушать напоследок. С удовольствием растратить последние минуты, получив от них сполна!

Выхожу, замирая от расстилающихся эхом аккордов... Живая музыка, растворяющая мысли, неповторимая... проникающая буквально вглубь тебя. Звуки падающей воды, буквально подыгрывающей музыкантам... Закрываю глаза, раскачиваясь в такт, широко улыбаясь, как чувствую легкое прикосновение к руке... Резко обернувшись, будто меня нагло выгнали из красивого сна, с непониманием смотрю на местного парня, который оказывается всего лишь зазывалой группы и предлагает желающим потанцевать. Соглашаюсь, оставляя в куче сумки и, закрывая глаза, вновь проваливаюсь в раж. Улыбка не сходит с лица, движения получаются как-то сами собой. Без мыслей, старания... Легко. От души. Проникая в глубины сознания, отдохнувшая мысль заключает, что вырваться из под опеки было отличной идеей... И я с ней полностью согласна. В этот момент согласна, как никогда... Шлейф платья струится, ритм понемногу нарастает, на очередном повороте из скользящих волос вылетает заколка, рассыпая локоны по плечам... Останавливаюсь, исследую взглядом плитку, смеясь, ищу её среди чужих ног. Не нахожу. Ну и к черту, не велика потеря, как-нибудь обойдусь. Поняв, что немного здесь задержалась, иду забирать свои вещи и натыкаюсь взглядом на него...

Облокотившись на стену, возле парадного входа, не спеша, потягивая холодный коктейль, стоит и с улыбкой салютует тот самый нахальный блондин с моего бассейна... Улыбка как-то сразу исчезла с губ... нет, я не стала показывать своего недовольства, одарив его лишь настороженным, мимолетным взглядом... Всё было намного хуже. В тот момент мне было важнее другое – есть ли поблизости его друг? Которого, сама не понимая зачем, резко крутя головой, я начала искать среди толпы... Всматриваясь в лица, кусая от нетерпения губы, ища идеально выбритый череп, среди копн волос и угольно черные глаза... Зачем всё это? Потому что спокойствие улетучилось... Я хотела его увидеть... весь этот день... ощущая свободу... хотела бы разделить с ним её маленькую часть... Просто увидеть эти глаза, темные, властные... и быть погребенной под ними, словно под кучей земли... Чёрт... что за мысли...

Дохожу до лавочки, отчаянно ища в сумке сигареты. Смотрю на стену, рядом с которой только что стоял блондин и утыкаюсь взглядом в пустоту... Там никого.

Может мне опять это привиделось? Подсознание решило сыграть злую шутку? Да вот только от хорошего настроения не осталось и следа... Выкинув сигарету и отодрав себя от лавочки, с ощущением, что за мной наблюдают, подошла к "бару на колесах", выпив залпом двойную маргариту.

– Паранойя. Никому нет до тебя дела! А вот спиться такими темпами достаточно легко...

С последним трудно не согласиться. Останавливаю такси, решив больше не искать приключений, и еду за дочкой. Прислонившись щекой к окну... проезжаю мимо дорожек, окружающих торговые центры... в толпе высматривая его... спортивную фигуру, бритый череп и угольно – черные глаза...

Что-то в жизни надо менять, – твержу как мантру уже в сто первый раз.

Эта мысль начинает разбег, на ходу врезаюсь в кирпичную стену. Растекается, так и не добравшись до ответа, провоцируя лишь новые вопросы: Что менять? И какими подручными средствами?

Для большего эффекта готова биться головой о приборную панель, что водитель наблюдает с опаской, но, к счастью, не понимает и слова по-русски.

Подъезжаю к дому Крис, расплачиваюсь, натягиваю лучшую улыбку и иду нагло врать близкой подруге, что у меня всё хорошо. Оказывается, врать легко. Особенно родным людям. Ведь скрывая правду, ты хочешь их защитить! По крайней мере, каждый второй в этом уверен. Особенно, если скрываешь боль. Скрываешь отчаянно. Не желая ею делиться. Как ребенок, что прячет конфеты, чтобы потом насладиться ими в одиночестве, растянуть удовольствие. Так же и я ищу тайный уголок в своей памяти, аккуратно открываю шкафчик и бережно складываю в него все мельчайшие подробности воспоминаний, чтобы, когда придет время, вытянув их наружу, завывать в голос от безысходности, ни с кем-то рядом, наедине с самой собой... Врать легко... Когда чувствуешь в этом смысл. Когда понимаешь, что от правды нет пользы. Когда в глубине души принимаешь себя таким, какой ты есть. И Кристина верит мне. Верит... потому что с порога я улыбаюсь. Верит... потому что, уходя от неё, я смеюсь. Верит, потому что любит меня. Верит, что я никогда не смогу ей соврать. И я повторяю, что у меня всё хорошо. Нет, даже не так... У меня всё хорошо! Не верите? Так, может, мы просто ещё не слишком близки? Приезжаем. Перед тем как подняться в студию, делаю круг, заворачивая к бассейну, кафе. Я везде ищу его глазами... беспомощно... в надежде наткнуться на идеальный образ и утонуть. Но его нигде нет. На смену отчаянной попытке что-то изменить приходит разочарование. Захватывающее разум ощущение, что ты не способен побороть обстоятельства, не властен играть с небесами на равных, ведь не имеешь на руках выигрышных карт. С последней надеждой во взгляде обвожу территорию. Его нигде нет... не судьба. Приходит мучительное осознание, что могу больше никогда не увидеть, не прочувствовать, не узнать. Ведь здесь не отель, не снимают номера на недели. Вдруг он уехал? Вернулся домой? Или просто заходил сюда погостить? Что тогда?

– Значит, где-то свыше совершили ошибку... Не в том месте, не в то время... А расплачиваться за всё будешь ты.

Увожу ребенка. Опускаю глаза. Уже не ищу. Принимаю как данное. Надломленная где-то внутри. С угасающей надеждой избавиться от застилающей пустоты. Ожить хоть на миг. Возродить из пепла желание. Попробовать. Прочувствовать. Прожить...

Возвращаемся домой. Муж скептическим взглядом осматривает, пренебрежительно поджав губы, с недовольством уходя курить, выносит приговор моему новому платью:

– Выкинь эту пошлость.

Стою, улыбаюсь... А ему бы понравилось... Он бы сам с меня снял. Поставил на колени, накрутив на кулак мои волосы... с силой наклонил, чтобы добраться до скрытой молнии и высвободил бы из алых оков... От этой шальной мысли дрожь побежала по коже... Минуя

дочку, занятую мультиками, иду на балкон. Обхожу благоверного, становлюсь напротив, опираясь на стальные перила.

Нагло вру, смотря прямо в глаза:

– Выбирала лишь для тебя...

Хмурится. Что же он чувствует в данный момент? Недовольство? Досаду? Презрение? Сомневаюсь, что его способна захватить гамма ярких чувств. Глаза горят лишь от успешно выполненной работы. А я... возможно лишь приятное дополнение к ней. Мы не умеем выплескивать душу. У нас нет явных проблем. Они скрыты в глубине, под тонной непонимания. Под тишиной, которую иногда стоит разрывать. Он скуп на эмоции. Считает, что поступки говорят за себя. Вместо подарков на праздники я получаю доставку цветов и сообщение о пополнении баланса на карте. Без лишних комментариев. С самодовольным взглядом за праздничным ужином, в котором четко отражается: "Я сделал всё, что должен. Всё, что смог... Радуйся. Наслаждайся. Трать по своему усмотрению. Не каждой такое счастье дано».

Скидываю обувь. Залезаю на самый верх. Шлейф платья струится на ветру, попав меж перекладин. Двадцать первый этаж. Солнечный свет ослепляет... до земли всего пять—шесть секунд... небольшая доля свободы... Щурясь, смотрю на море, улыбаюсь. Отпускаю руки, удерживаясь лишь ногами, и медленно расстегиваю молнию платья. Балансирую под резкое:

– Слезай и не провоцируй.

Улыбаюсь. Я всего лишь выполняю то, что он до этого просил... Опускаю бретели. Собрал ткань на поясе, перехватываю перила руками, слегка привстаю, дав платью скатиться вниз. Не на пол. Подхватываю ногой, поднимаю, так и не покинув перил. Закрепившись ступнями, опускаю одну руку, прогнувшись спиной назад, и медленно пускаю платье по ветру... В тот момент матерясь, с сигаретой в руках, подлетает муж. Испугался? Захотел удержать? Или полюбоваться полетом? Усмехаюсь. Ведь я всего лишь сделала то, что просил. Выкинула неуютную вещь... Скидывает со злостью с перил, обозвав ненормальной. Одним движением тушит сигарету об стол и уходит прочь. А я выхватываю взглядом остаток полета красной, уже безжизненной тряпки. Вот так уходит и человек. В беспамятство, забвение, небытие... Ладно, хоть не ударил сгоряча... хотя, бес толку что ли нарывалась? Зря не ударил, не наказал... зря, милый, зря!

Дочка капризничает с просьбой идти в бассейн. Собираюсь, натянув джинсовые драные шорты на голое тело, белую майку с копией этикетки бутылки "Jack Daniel's", закрутила волосы на макушке и, обув кеды, собралась в путь. Руку перехватил муж, с подозрением присматриваясь, видно заметив сбой в моем нестабильном психическом состоянии, вынося вердикт, что идет со мной. На часах шестой час, начинаются легкие сумерки. Здесь ведь рано темнеет, а рассвет в пять утра. Раздеваю ребенка, благоверный идет с ней плавать. Ну а я залезаю с ногами на лавочку, в позе лотоса, делаю громкость в наушниках почти на всю и натягиваю очки на глаза. Улыбаюсь. Просто. Свободно. Смотрю прямо вперед, на то место, где раньше был он... Никого. Поджав губы, вздыхаю. Не знаком... Не влюблен... Не пленён... На лежаках ещё много народа, в детской зоне шум и гам. Сквозь наушники слышу трель птиц на деревьях, шум искусственного водопада... А я с грустной улыбкой смотрю в одну точку. Туда, на свободные стулья. Туда, где сейчас пустота. Закрываю глаза, отпускаю эмоции, звук на максимум, больше нет ничего... только музыка рядом, обволакивает, качает... Только ветер гладит щеки. Солнце нежно согревает. Никого нет вокруг. Лишь природа и я. Открываю глаза, а вокруг многолюдно. Муж с ребенком в бассейне, им совсем не до меня. Наслаждаюсь забвением, не спеша, отдыхая... Неизбежно устремляя глаза всё туда же... Столик занят. Янтарный бокал, лед искрится на солнце... Хрустальная пепельница сияет словно бриллиант. Украшает, бесспорно... Но владелец мощнее! Сильный, крепкий, насыщенный... Отражает сиянием, как драгоценный металл. Я бы узнала из тысячи... И пускай глаза спрятаны. По вальяжной посадке... по спортивным рукам... вздернутому вверх подбородку... широким плечам... В любой одежде! И без неё...

Обернутого полотенцем на бедрах... и закутанного в горнолыжный костюм. Кажется, я узнаю его везде! Не по внешнему виду – по поведению. Почувствую спиной, что он рядом, поймав дрожь на коже. Покрытая мурашками, будто с двадцати метров, чувствую его дыхание. На себе... Он сидит, слегка откинувшись на стуле. Темная футболка обтягивает, прижимается вплотную... как бы я хотела сейчас оказаться на месте этой футболки! Свободные шорты, доходящие до колен, собравшиеся большой складкой ровно в области прикрепления ног... Ох, я бы села на эти колени, впечатавшись телом в тебя... так, чтобы не оторвать... так, чтобы стать одним целым. Облизываю пересохшие губы. Голос охрип от желания, выпиваю воды.

Я сижу прямо напротив, заслонив свой взгляд темными очками. Но мою улыбку может скрыть только что паранджа. Я жалею, что её нет. Я стараюсь выглядеть прилично... Куда смотрят его глаза? Подойти бы, снять зеркальные очки, взять нежно лицо в ладони и направить их на меня... лишь на меня. Хоть на миг!

Медленно пьет виски, делая небольшой глоток. Прослеживаю взглядом мышечный спазм на шее... как же хочется вцепиться в неё зубами! А потом ласковолизать воспаленные следы... Сжимает пальцами толстую сигару. Обхватывает её плотно губами... Ах! Если б не мое пересохшее горло, в этот момент я бы могла застонать! А так лишь судорожно разомкнула губы, чувствуя, как проникаешь ядом под кожу... Отдаешься пульсацией в висках... Учащаешь сердцебиение... Наливаешь лоно горячим свинцом. Задерживаю дыхание... Выдыхаю дым вместе с тобой. Чувствую горечь на конце языка... опьяняющий терпкий вкус, сажающий горло. Ещё затяжка... Открой глаза! Разбей эту зеркальную стену! Я кончу от одного лишь взгляда! В упор... на меня. Не способная уже улыбаться. Невольная смотреть на кого-то ещё...

Ловлю каждое движение. Вздыхание широкой груди. Дышу с тобой. Медленно. Свободно. Будто отражение тебя в глади воды. Лихорадочно исследую взглядом, цепляюсь за отросшую щетину на коже... чувствуя её уколы, царапающие плоть. Знать бы, где ты живешь! Знать бы чуточку больше... Я пришла! Сорвалась бы в ночи! Знать бы, что позовёшь... Усмехаюсь. В бокале в руках тихо плавится лёд. Я подобна ему... раскололась на части. Рассыпаюсь. Томлюсь. Сама не своя... Больше не принадлежу себе. Порабощенная взглядом. Представшая цепляться за принципы. Жить по правилам, предписанным моралью. Я готова пасть ниц. Ползти за тобой на коленях. По шершавой плитке, сбить колени в кровь. Только позови... Жестом. Взглядом. Движением. Только дай намёк, что ты меня ждёшь. Музыка гремит. Я не слышу. Не существую здесь. В этой реальности... такой нелепой, чужой. Слишком много людей. Слишком много условностей. Разорвать. Расколоть. Выбраться из оков. Сердце шепчет. Мысли вихрем закручены. Я ищу оправдания. Проклинаю. Молю... Как стерпеть эту боль? Притупить все желания??? Где же спрятан ответ... только миг... Право, шанс... на мечту. Тереблю телефон. Фокусирую камеру. Ловлю взглядом ребенка и мужа. Улыбаюсь. Снимаю затвор. Делаю пару фото, увлеченных собою... а потом медленно перевожу левее... на него. Приближаю по максимуму и снимаю. В упор. Пусть хоть так... как воспоминание. Для себя. Для какой-то частички души. Хоть какая-то мелочь, чтобы развеять мысль о видении. Снять фантом... манящий призрак. Своё безумие, так нещадно сбившее меня с пути.

Роясь в рюкзаке, тщетно ищу ручку с бумагой... в мыслях роем вызывают слова. Я бы оставила записку... Написав всего лишь время и место. Утро. Я свободна лишь утром. От всех. От той правильной себя... Ничего с собой нет. Накрывает обидою... Не подумала раньше. Потому что уже не ждала... Эх, знать бы больше о нём!!! Только как это сделать в неволе??? Я бы пришла... бросив всё... растоптав... я бы пришла... Взгляд в упор. Виски выпит. На дне стакана лишь лёд томится, играет в последних солнечных лучах. Сигара тлеет... А он небрежно так и сидит, вдыхая тяжелой грудью воздух и смотря куда-то вперед... кажется, сквозь меня.

Выключаю музыку, оставив наушники в ушах. Слышу трель пролетающих птиц, озорной смех детей, успокаивающие переливы воды. Не свожу глаз с его губ... грубых, нежных, больших... способных увести в ад, растлить одним прикосновением к коже. Способных уничтожить

мою жизнь... убить желание жить. Из забвения выводит поворот бритого черепа, отливающего золотом на солнце. Вижу незнакомого парня, направляющегося ровно к нему. Задорно приветствующего улыбкой, протягивающего руку, быстро, без акцента вываливая на него несколько фраз... Улавливаю начальное:

– Steve, how are you?

Дальше просто неважно... Растекаюсь как мёд... Стивен... Стив... ну хоть что-то! Таю, млею... Теперь-то, может, и записка адресата найдёт... Из экстаза вырывает холодное прикосновение... Сгущаются сумерки, темнеет. Муж с дочерью решили, что пора бы перекусить. Эх... Пытаюсь не разреветься от досады. Я словно приросла к этой лавочке, сроднилась с ней... с ним... но пора уходить.

– Как прошла медитация? – вопрошает с улыбкой.

Спутанно пытаюсь сообразить, что к чему, под очками отчаянно пряча глаза. Нельзя показывать вида! Нельзя давать повод, даже если всё это заметил... Успокаиваю сердце, улыбаясь в ответ... главное, что не видит глаза.

Понял? Присмотрелся? Заметил? Да плевать. Я же не подошла... Не виновна ни в чём. Хотя сердце постанывает... да и совесть порядком уже не чиста...

Глава 7

Кафе у бассейна закрывается в девять. Когда я вышла из своей студии, солгав мужу о приближающихся критических днях и неизбежности похода в магазин, на часах было уже без пяти. Я бежала по коридору так быстро, как не бежит ни один марафонец за желанный и ценный приз. Я бы дала им фору, одним рывком оставив соперников позади. Ведь у них на кону лишь кубок и слава, а у меня нечто большее... желание... жизнь.

Пока благоверный отвлекся от ужина на важный звонок, я попросила у милой официантки ручку. Быстро вывожу на салфетке лишь несколько фраз, так чтобы он понял, чтобы пришёл... Подписывая себе приговор. Если эта записка вообще когда-то коснется желанных рук... И вот я рывком взбегаю на ступени, осматривая пустой бар, убранные по местам деревянные стулья и свежевывмытый пол. Я опоздала ровно на пять минут... И этот короткий временной отрезок будет стоить мне лишних суток ожидания! Мыслей, сводящих с ума и возможности ещё сто раз передумать. Черт бы побрал вашу пунктуальность! Со злостью пинаю приоткрытую дверь. Внося диссонанс в окружающую тишину. Аккуратно сложенная салфетка так и осталась лежать на дне рюкзака.

Ровные латинские буквы, гласящие на родном: "Готова на всё". Хотелось дописать – и даже больше... Раствориться в тебе, отдаться без остатка, встать на колени, глядя в пелену этих темных глаз, исполнить любую фантазию – только скажи! Переполненная желанием быть замеченной... потерять контроль над эмоциями... угодить.

"Бассейн Д, средняя скамья, 6 утра».

Номер подписывать я не рискнула. А вот под виньеткой оставила поцелуй... красный, на белой бумаге, словно скрепляя кровью сделку с Сатаной. Я собиралась отдать её девушке в баре. Захватила наличность. Мысленно на английском составила текст. Так, чтобы толково объяснить, кому следует передать эту записку. Досконально, продумывая каждую мелочь... Чтобы она не могла ошибиться! А потом... Я буду ждать. Ежедневно. В шесть утра... На протяжении оставшихся десяти дней пребывания в этой стране.

Пять минут... лишившие меня частички надежды. Возможности огласить свой выбор. Перечеркнуть жирной полосой настоящее в погоне за призрачным видением, не отпускающим из своих цепких лап. Какого чёрта нас сталкивает судьба, если всегда дает шанс передумать? Оставляет возможность запустить логическую цепь. Дать оправдаться перед самим собой за это безумие, и всю жизнь сожалеть о своей нерешительности. Не гуманнее ли столкнуть нас лбами??? Чтобы уж без вариантов! Эй, да кто ж у вас главный? Мне вверх или вниз посмотреть? Молить или унижаться? Вы б уж определились там сами перед тем, как мучить девочку по ночам! Предсказано судьбой? Так, пожалуйста! Вот же я здесь, перед вами! Растоптавшая остатки собственного достоинства. Готовая сделать шаг, броситься головой в бездну! А вы? Даёте очередной шанс вернуться на истинный путь? Похоронить себя вновь под тяжелой плитой из тоски и бесчувствия? Как сердобольно... Показать красиво упакованный подарок, положить на видное место и под страхом казни запретить к нему прикасаться! Не позволить развернуть шелестящую в руках бумагу, сгорая от нетерпения стоять и смотреть издали, так и не узнав, что же лежит внутри... Хотите проверить, как долго я ещё смогу сопротивляться? Увидеть, насколько низко могу пасть? Я устала балансировать на грани... Уступаю соблазну! Готова испить эту чашу сполна и понести за своё решение самое строгое наказание. Так давайте уже начнём веселье! Пока подопытный кролик не растерял все силы в ряде экспериментов над сознанием. Устроим феерию напоследок, разукрасим жизнь ярким салютом! А потом и огрести по полной не грех... Карайте! Наказывайте! Но вначале дайте это прожить, испытать, запомнить...

Сломленная под гнетом собственных мыслей, неспешно иду к близлежащей лавочке. У бассейна никого. Включаю музыку, закуриваю, ложусь, глядя на звезды, выдыхая дым в безоблачную тьму, под проникающий в сознание хриловатый голос капитана, успокаивающий мыслью, что нужно лишь освободиться от страха, отпустить прошлое, перестать цепляться, и только разбив всё, поставив на кон жизнь, ты сможешь обратить на себя внимание, сможешь заметно уйти... *Zu sterben*. Умереть для себя. Разбивает иллюзии трель звонка. Скидываю. Кажется, муж успел меня потерять... в этой реальности я всё ещё многим обязана. Здесь есть какие-то нерушимые правила. Следую. Спешно направляясь в магазин. Поднимаюсь по ступенькам в надежде, с тихой улыбкой... Ветер отчаянно развивает волосы, будто пытаюсь остановить, предостеречь... Солнце уже высоко над горизонтом, на всей территории нет ни одного темного уголка. Кроме ещё не открывшегося кафе, не запирающегося на ночь. Смотрю на часы – всего шесть утра... Выхожу из-за поворота и вижу его... стоящего ко мне спиной и устремленного взглядом в линию горизонта. Стараюсь не вызвать ни звука, не рушить столько хрупкое, осязаемое кожей пространство. Поворот головы... глаза в глаза... не произнося ни слова... Иду, словно по горячим углям. Ближе, ближе. Впитывая терпкий запах. Улавливая малейшее движение глаз. Легкое подобие улыбки и такой же серьезный, непробиваемый вид... Касаюсь кончиками пальцев губ... Он словно мираж, который вот—вот растает... Невольно закрываю глаза, чувствуя его руки на своих запястьях, горячие губы на месте пульсации вен... Порой так спрашивают разрешения... без слов. Сердце учащает ритм, готовое разорваться на части. Голова идёт кругом от легкого соприкосновения тел... С осторожностью целует, плавно увеличивая напор. С силой размыкая губы и нагло вторгаясь языком, ведя за собой, выжигая своё имя в глубине подсознания, заставляя подчиниться, покориться себе. Это не поцелуй... Это прелюдия перед сексом. Сам акт, который он совершает прямо здесь, возможно на глазах у всех! Умело проникая в мысли, доводя до изнеможения и желания стонать...

Солнце уже слишком высоко. На дорожке внизу скоро появится обслуживающий персонал. Открываю глаза, не способная разомкнуть объятий, улыбаюсь! До сведения челюсти! В этом мужчине есть что-то особенное, притягивающее словно магнитом. Порочное, неправильное, необъяснимое... Тьма, как и в его в угольных глазах. В которой так хочется навсегда потеряться... Увлекает в кафе, соглашаюсь лишь взмахом ресниц. Прикрывает плотнее дверь, глаза привыкают, вылавливая только маленькую полосу света на ближайшем столе. Раскладывает меня на нём, словно десерт, и, медленно раздевая, начинает вкушать. Смакуя, дразня и лаская языком возбужденную кожу... Раздевается сам, вытаскивает ремень из брюк и, присаживая меня на столе, ловко фиксирует его на шее, наматывая себе на кулак. Контролирует каждое моё движение. Целуя, лаская, позволяя или запрещая отвечать. Отпуская на миг или слегка душа... Кожаный ошейник накинута на горло, пряжка, вдавливаясь, царапает в кровь, принося боль и возбуждая одновременно. Одним движением резко входит в меня, фиксируя на столе положение. Твердо держа на краю стола кулак, не давая мне встать. Нарастивает ритм, находясь губами совсем рядом, в сантиметрах от моего лица. Привстаю, не в силах отказаться, жадно целую, на пределе натягивая поводок... чувствую, как отдают пульсацией виски, кружится голова и темнеет перед глазами. Не в силах отказаться от этого поцелуя... от этого мужчины! Несколько тщетных попыток урвать у него воздух... проваливаюсь в забвение...

Глава 8

Судорожно пытаюсь отдышаться, обхватывая шею руками, сорвать петлю и... не находя, привыкшими к темноте глазами осматриваюсь вокруг. Нервно смеясь, с огромным желанием материться, натыкаясь на наблюдающего за мной мужа, облокотившегося на руку и буквально нависающего надо мной.

Слегка прищуривает глаза, спрашивая:

– Что тебе снилось, родная?

Пытаясь успокоить дыхание и сдержать вырывающийся смешок, уверяю:

– Обычный кошмар, – выходит вроде правдоподобно.

– Да? – уточняет, выходя курить. – Первый раз вижу, чтобы от кошмаров так сладко стонали, обнимая подушку.

Проклиная всё, залезаю под неё и пытаюсь уснуть.

Просыпаться утром было крайне паршиво. Гонимая ночными демонами, которые так и не дали нормально уснуть. Как-то подозрительно присматривающийся муж... похоже, о хорошем настроении на сегодня придется забыть. Хотя, сегодня ведь праздник – запланированный девичник с Крис, а у мужей в спорт—баре игра... Не всё потеряно. Выпьет, успокоится, поговорит с парнями, забудет обо всём. С самого утра я с дочкой зашла в кафе, щедро сдабривая свою просьбу чаевыми, выпаливая на автомате заготовленную заранее речь и не разрешая себе ни на миг задуматься, стоит ли это делать... Стоит. Наверное. Наверное, стоит.

К вечеру весь пляж раскрасили мигающими гирляндами и воздушными шарами. На каждом углу продавали маленькие цветочные плотики со свечкой внутри, обещающие исполнить любую мечту. Лой Кратонг – один из красивейших праздников здесь. Как только стемнеет, тысячи небесных фонариков разом взлетают ввысь, озаряя небо яркими искрами, а по морской глади влюбленные и просто желающие запускают маленькие лодочки – кратонги. Проводив мужей на игру, мы с Кристиной и детьми взяли циновку, еду, вино и отправились на пляж. Слушать музыку, танцевать, запускать свои фонарики и цветочные плотики. У нас всегда одно и то же место, ежегодно. В центре событий и в тоже время, вдалеке от всех...

Бутылка была выпита, фонарики удачно запущены, довольные дети резвились у кромки воды. Я, наблюдая за ними, просто улыбалась и любовалась сверкающей в небе красотой. Кратонги запускают в конце. Уходя. Запускают, зайдя глубоко в море, так, чтобы он уплыл далеко и не пристал к берегу, чтобы твоя свеча не потухла. Тогда желание будет исполнено. Здесь в это верит каждый. Пусть и совсем немного. Маленькой частью души. Я смотрела на играющих детей, ожидая ушедшую в магазин Крис, и пыталась сформулировать мысленно то, что хочу загадать. Как вдруг кто-то накинул легкий плед мне на плечи и тихо обнял. Правильнее было бы испугаться, а я лишь слегка улыбнулась.

– Почему не спрашиваешь кто? – уточнил благоверный.

– Я тебя почувствовала, – отвечаю честно.

Улыбается. Не вижу, но знаю.

Мы так и сидели, любуясь видом, впервые за долгое время, казалось, вдвоём... пока не пришла Кристина, оторопев, стоя и улыбаясь:

– А ты чего не на игре? И где мой муж?

– Я до них не доехал. Не стоит бросать вас одних в такой день. Да и ты же помнишь, – обращается, нагнувшись ко мне, – что пара должна отправлять один кратонг. Твоё ведь желание схоже с моим? Логично... об этом я и не подумала. Одно желание на двоих. Все просят вечного счастья, любви... А что отправим в этом году мы? Покой?

Мы втроем пили вино, с горла, лежа на циновке, разговаривали, смеялись и наблюдали за летящими искрами, фейерверками вдали... Рядом бегали все в налипшем песке, но безмерно

довольные дети. И как ни странно, мне было хорошо. Тихо. Спокойно. Легко. Как бывает в компании лишь с любимыми людьми. Может, это мой очередной второй шанс, и он всё же не зря бросил всё и пришёл? Кто бы подсказал... Порой жизнь удивляет тебя сильнее, чем ты себя сам. Пока я укладывала уставшую дочь, муж молча сидел на балконе, курил одну за другой, будто к чему-то подготавливался, ожидая... разговаривать не хотелось, особо сближаться тоже, хотя он и предпринял для этого неплохую попытку. Всё было как-то непривычно, неожиданно и слегка напрягало. Оказывается, меня вполне устраивал его шаблонный образ жизни, без лишних эмоций... а тут, терялась в догадках, чего же следует ожидать. На столе одиноко возвышалась открытая бутылка вина. За этот вечер мы и так прилично выпили, но этого всё равно было мало для того, чтобы заглушить саднящее внутри чувство неловкости перед ним, нелогичности, непонимания.

Уходя от взгляда, лишь нежно проводя по щетине рукой, вроде тот же, что и прежде... родной.

– Принесу стаканы.

Перехватывает рукой, резко сажая себе на колени, вертя в руке бутылку и безапелляционно заявляя:

– Вечером тебе их отсутствие не мешало. Пей, – смотрит прямо в глаза, удерживая другой рукой за подбородок, не разрешая отвернуться. Пронизывает взглядом насквозь. Как тогда, при первой встрече... Строго и, кажется, немного устало заявляя:

– Пей. И рассказывай, из какого дерьма я опять должен тебя вытаскивать.

Хотелось усмехнуться... и правда, праведный рыцарь вновь спасает заплутавшую и ступившую на неверный путь, неразумную принцессу... Только вот не такой он и праведный, сам толкнул в крепкие лапы безумия своим отчуждением... да и я далеко не принцесса, которая желает, чтобы её спасли. Жадно пью, заглушая мысли, наполняя голову пустотой. Не желая что-то решать. Не сейчас. Возможно чуточку позже... И явно не выворачивая наизнанку душу, под действием развязывающего язык алкоголя.

Горло приятно обжигает, грудь наполняет теплом. Разум всё так же отмалчивается в сторонке, явно потягивая коктейль или заготовив приличную порцию попкорна, чтоб с удовольствием наблюдать за развитием событий. Не хочу даже думать, о том, что было бы, заставь муж меня говорить... только вот своими действиями сегодня он привёл к диаметральному эффекту. Мне не нужны были слова. Хотелось лишь крепких рук рядом, полной разрядки, физической и эмоциональной. Избавления от ночных видений. Банального секса... хорошего секса, которой бы ещё мог перекрыть эмоции, уберечь от ошибки. Сделав глоток побольше и, плавно ставя бутылку на стол, убираю волосы в хвост, чтобы не мешали, и плавно распахиваю халат, вытаскивая из него шелковый пояс.

Ухмыляется.

– Разговаривать не будем.

Отрицательно качая головой.

– У меня есть идея получше.

В мыслях успокаивающая, убаюкивающая пустота... Никакой пошлости. Неодолимо чувствовать границы. Медленно стягиваю белье под его удивленным взглядом.

– Ты правда хочешь сделать это здесь?

Осматриваюсь. Ну да. Почему бы и нет. Хотя... раньше бы почему-то не предложила. Пусть спишет на алкоголь, а не на слишком большую фантазию. Стягиваю с мужа футболку, развязываю завязки шорт... Почти полночь. На балконе выключен свет. Двадцать первый этаж. Что его смущает? Да, легкого освещения хватает. Город не спит, здесь всегда хоть немного, но светло. Быть застуканными соседями? Пусть попробуют перегнуться через боковые ограждения. Жильцами дома напротив? Да плевать, до него около ста пятидесяти метров. Камеры направлены снизу—вверх? Ну что ж... возможно развлеку охранников ночной смены. Плотно

завязываю шелковым поясом глаза, так спокойней. Не хочу, чтоб они видели этого падения. Поднимаю, освобождая от оставшейся разделяющей ткани, упираясь коленями в жесткий плиточный пол. Отхлебнув ещё вина, прохожусь языком по всей длине, жадно пытаюсь воплотить в жизнь хоть маленькую толику разыгравшейся фантазии. Гоня прочь мысли, о том, кого же именно из двоих в данный момент я пытаюсь ублажить, мужа, сидящего рядом, или преследующий образ Стива? Ни того, ни другого... просто для себя. Впервые за долгое время, не наплевав на себя, отчаянно трахая мозг. Выбивая иллюзии, присмиряя себя с реальностью, управляя ею, хоть и сдерживая себя сильно при этом... Не всё сразу. Возможно, когда-то... постепенно...

Проснувшись с первыми лучами солнца, долго лежала, смотря на него, спящего рядом с легкой улыбкой. Спокойного и расслабленного. А я наоборот натягивалась струной. Собираясь в душ, прикрыла откинутым ранее одеялом, заметив пару глубоких царапин и проявляющихся синяков, а ведь держалась прилично, разрядившись физически, но не эмоционально. Не в этих рамках...

Критически осматриваю себя в зеркало, на мне ни следа. Тело истошно требует, чтобы все было иначе. Наказания за все желания, фантазии. Отчаянно требует, истязая мысли притягательными картинками. Вне условностей. Страстно. Затмевая эти самые мысли. Инстинктивно. Выполняя желания... Быстро переодеваюсь после душа, сгребая вещи и сигареты. С щемящим чувством смотрю на мужа... а ведь ему вчера понравилось. Хочет ли он всё ещё вытаскивать меня из того дерьма, в котором я пока пытаюсь оставаться на плаву? Медленно поворачиваю ключ и неспешно направляюсь к бассейну.

Глава 9

Семь утра. Уже час я сижу на центральной скамейке, подогнув ноги под себя, слушаю музыку и разглядываю водную гладь. Вокруг нет никого. Абсолютно.

Уже десять минут я пытаюсь себя убедить, что пора уходить и моя глупая затея потерпела фиаско. Уже десять минут пытаюсь заставить себя не думать о нём... о том, получил ли он записку? Не смог или не захотел... О том, понял ли он вообще, кем она написана...

Выкуривая очередную сигарету, опустив голову в пол и заглушая музыкой мысли, иду к своему кондо. Пытаюсь не разреветься от досады, что всё идёт как-то не так. Захожу в студию. С удивлением наблюдаю на барной стойке красиво сервированный завтрак: кофе, тосты, джем, фрукты. Усмехаюсь про себя – заработала. Много ли нужно мужчинам для мотивации? Быть шлюхой в постели. Хотя... ведь ещё даже и не была. Подходит, нежно целует. Прямо радикальные перемены, буквально за три дня... Нравится ли мне это? Не знаю. Наверное. Сбивает ли с мысли? Бесспорное – Да.

День проводим раздельно. Примиряюсь с действительностью. Иногда ловлю себя на мысли, что всё ещё хожу, пытаюсь из-под полуопущенного взгляда его искать. Слишком много гуляю. Иду туда, где раньше не была. Проходя по береговой линии, зарываю ноги в теплый песок оставляя следы, исчезающие мгновенно под морской волной, я всматриваюсь в лица отдыхающих рядом, а не в пленительную линию горизонта. Ловлю сквозь шум моря обрывки мыслей... Где же ты? Никогда бы тебя больше не видеть... Почувствовать бы рядом лишь только на миг. Зачем? Потому что знаю, что он того стоит... Демон – искушитель, путающий мысли, желания, которого, как бы я себя не убеждала в обратном, везде так судорожно ищу.

Вечером с первыми залпами фейерверков, мы с дочкой начали собираться на крышу, чтобы занять самые удачные места: вид с двадцать третьего этажа, под тобой – море, город и небо, раскрашенное огнями. Сказка, воплощенная в жизнь. Это ежегодный международный турнир, которым три вечера подряд радуют публику. Шесть стран, шесть команд, шесть сорокаминутных залпов с траулера, поставленного далеко в море. Три дня противостояния. Три вечера, собирающие миллионы зрителей. Один победитель. Выходим с циновкой, занимаем свободное место. Таких же, не желающих ехать в город и настроенных понаблюдать всё со стороны, уже целая тьма. Оживает мобильный, отвечаю, через некоторое время на крышу поднимается муж.

Так же, как и вчера, присаживается сзади, обнимает без лишних слов. В первую перемену команд, когда заглушается гул аплодисментов и радостных выкриков, просит дать руку. Недоуменно открываю ладонь, получая в неё маленький ключ с золотым брелоком, на котором красивым курсивом выгравировано название отеля и номер комнаты.

Не понимаю происходящего... Прижимается щекой к щеке, шепча на ушко:

– Просто хочу остаться с тобой наедине. Катюшу по пути оставим Кристине...

– Что ж... Возможно из этого и выйдет что интересное. Посмотреть точно стоит.

Вот только в висках пульсирует мысль... меня не будет здесь в шесть утра...

Уточняю с улыбкой:

– Какая форма одежды?

Утыкаясь в шею, шепчет:

– Легко снимаемое платье.

Слегка киваю, крепко сжимая обнимающие меня руки, и, выкинув лишние мысли из головы, с наслаждением досматриваю разрывающий огнями темное небо салют. Зайдя в студию, быстро собираю вещи для дочери и иду выбирать для себя подходящий случаю наряд. Останавливаю выбор на коротком черном кружевном платье, лишь слегка скрывающем тонкое

белье. Наношу макияж, собираю непослушные волосы в легкое подобие прически. Выхожу из спальни с сияющими глазами, получаю от мужа одобрителный кивок и легкую улыбку.

Глава 10

Подъезжаем к одному из самых знаменитых отелей в городе. С восхищением осматриваю горящую огнями башню, устремляющую шпиль в самое небо. На контроле у лифта отдаем билеты, украшенные золотыми буквами и изысканными виньетками. Поднимаемся в ресторан на пятьдесят седьмой этаж. Медленно ползущие в разные стороны двери лифта, ослепляющий яркий свет, приглушенная живая музыка и изысканное красно—золотое убранство вокруг. Зал переполнен. Услужливый персонал, по пути до столика осыпаящий щедрой порцией комплиментов. Наслаждаюсь, расстилаясь в улыбке, чувствую себя попавшей в сказку. Рядом муж, галантно усаживающий на стул, приодевшийся по случаю в белую рубашку со свободно закатанными вверх рукавами и небрежно расстегнутую на пару верхних пуговиц и классические темные брюки. Просто, изысканно и завораживающе. Делаем заказ, неспешно отпивая заранее разлитое в бокалы красное вино. Любуюсь видом на мерцающий огнями город, из открывающихся стеклянных круговых стен. Всё идеально! Абсолютно всё! Возбуждена резкими переменами. Не скрываю удовлетворенной улыбки. Легкий ужин с обилием тайской кухни, бьющий в нос запах специй и морепродуктов... Усмехаюсь, глядя на мужа.

— Решил накормить меня афродизиаками?

Улыбается лишь уголками губ, не убирая серьезности из взгляда.

— Почему бы и нет. Вечер ещё не закончен.

Наслаждаюсь вкусом, ярким переливом пряностей на языке, отпускаю все лишние мысли, забывая обо всём гнетущем, проживая настоящее, именно этот момент, рядом с ним... Живой оркестр играет легкую, спокойную музыку, зал наполнен полусшепотом доносящихся с разных сторон фраз. Неспешно потягиваю вино, приятно обжигая горло, возбуждая спящие доселе рецепторы. Улавливаю легкое головокружение... от действия алкоголя, окружающей атмосферы, мужчины, сидящего прямо напротив и пытающегося разглядеть что-то в моих одурманенных этим вечером глазах. Всё идеально. Даже слишком! И это отчасти пугает... Возбуждает желанием узнать, что же уготовано мне на десерт. Музыка затихает и, словно разгорающийся огонь, медленно вспыхивает вновь. Отражается от стеклянных стен, окутывает, настраивает на спокойный ритм. Из этого райского уголка не хочется уходить, не хочется думать, что за его пределами гудит город и его активная ночная жизнь. Здесь слишком спокойно, по—особенному приятно, уютно, легко.

Встаёт из-за стола, неспешно протягивает руку, помогая отодвинуть инкрустированный золотом и красным бархатом стул. Выводит в центр, в обилие танцующих пар. Нежно обхватывает за талию. Прижимаюсь всем телом, вдыхая терпкий и освежающий запах, дорогой, сильный, родной.

Закрываю глаза, положив голову на плечо, крепко вцепившись руками, разрешая, позволяя вести за собой. Музыка медленно сменяется, один мотив переходит в другой. Кто-то неспешно расходится. Небо вдалеке иногда вспыхивает яркими искрами. Наслаждаюсь. Живу. Наполняюсь уверенностью. Не желая уже что-то менять.

Аккуратно вставляет золотой ключ в резную темную дверь, уверенно делает несколько оборотов. Войдя первым, зажигает не весь свет, оставляя комнату в легком полумраке, придавая броскому интерьеру некую сдержанность, интимность. Пропускает вперед. Жадно осматриваюсь вокруг, выхватывая взглядом бордовые стены, обилие золота в отделке, плотные тяжелые шторы, хорошо скрывающие свет, сдерживающие любые звуки... огромную темную кровать с витиеватой кованой спинкой, заботливо украшенную милыми горничными нежной композицией из свежесорванных орхидей. Улыбаюсь не в силах сдержать рвущийся наружу восторг. Всё слишком идеально. Слишком! Сознание так и просит окатить его освежающим, ледяным ушатом воды! Достает бутылку из бара, насыпает в бокалы лед. Наполняет янтар-

ной жидкостью буквально на три пальца и безмолвно вручает в ладони холодный стакан. Отпиваю глоток, обжигая горячее горло. Сдерживая возбужденный алкоголем и желанием хрип. Забирает бокал и аккуратно ставит на небольшой резной стол. Подходит ближе, целует нежно... слишком медленно, слишком нежно... вырывая из горла стон, желание разорвать на части это спокойствие, отдаться пламени, горящему глубоко внутри. Закрываю глаза, не способная думать, судорожно хватая пальцами маленькие пуговицы на белом полотне. Остановливается, зажимая руки... неспешно и уверенно продолжая поцелуй. Покусываю губы от нетерпения... впервые настолько возбуждись за долгие года. Отпускает. Смотрит вглубь, пронизывая насквозь, будто читая мысли... Одним движением резко снимает платье, оставляя лишь в легком кружевном белье.

– Закрой глаза. Вытяни руки вперед, сложив ладони как для молитвы.

– На колени встать?

– Не требуется.

Кусая губы, спешу исполнять. Складываю ладони, чувствую его руки, сжимающие вместе мои запястья... Непонятные, сковывающие ощущения. Невольно открываю глаза, утыкаюсь в бережно завязанные плотной веревкой узлы. Чувствую, как брови медленно ползут вверх. Я не в силах что-то сказать. Закидывает на плечо, как куклу, плавно опуская на подушки у изголовья кровати, и крепко привязывает свисающие с запястий концы к ветвистой стальной спинке. Оставляя в недоумении, неспешно отдернув шторы, идет на балкон курить. Осматриваюсь. Дернув пару раз руки, морщусь от боли, вызванной врезавшимися в кожу веревками, и начинаю истошно требовать меня освободить. На что слышу лишь спокойный ответ мужа:

– Не дергайся, веревка холщовая, руки в кровь сотрешь.

Тщетно пытаюсь дотянуться до спрятанных с тыльной стороны спинки кровати узлов. Взываю от очередной провалившейся попытки. Ещё раз резко дергаю руки, сжимая от боли кулаки. Ладно, сама напросилась, не спорю... но не так же! Какого черта он задумал? Бросил меня тут, а сам сидит и не спешит возвращаться! Или ждёт пока я смогу выбраться из этих бесконечных узлов крученой веревки, которая готова при каждом нажатии спиралью уйти под кожу.

– Эй? Ты решил меня так и оставить? Или всё же присоединишься? – говорю, не стараясь сдерживать в голосе обиду.

Подходит, берёт стакан со слегка подтаявшим льдом, подносит к моим губам – отворачиваюсь. Сжимая челюсть, заставляю открыть рот и выпить до дна. Проглотив разом содержимое, закашлявшись от обжигающего напитка, со злостью выливаю на обидчика вместе с подступающими слезами поток нецензурных слов. Усмехается. Также удерживая челюсть, нежно прикасается губами, вытирая скатывающуюся по щеке слезу.

– Поговорим потом... После всего.

Открываю рот в изумлении.

– А сейчас что?

– Начнём с того, что мне следовало сделать ещё при первой встрече, раз уж родители не привили тебе быть более сдержанной.

Нервно смеюсь.

– Да ты не способен!

Подходит ближе, обжигая кожу дыханием, буквально шепчет, хрипотцой лаская слух...

– Милая, посмотри на свои руки и потом ещё раз повтори это с уверенностью.

Кусаю губы, ну что ж... давай поиграем, раз сама напросилась. Оказывается, иногда мечтать очень вредно, особенно, если не уверен на все сто, что тебе не придется по душе воплощение в жизнь этих самых мечтаний. Да не может такого быть! Надо хоть как-то ущипнуть себя, чтобы проснуться! Это же опять лишь моя бурно разыгравшаяся фантазия! Только герой грёз немного изменен... хотя драйва это совсем не лишает... Дергаю руки... боль отзывается рез-

ким стоном. Чувствую медленное поглаживание по спине и совсем не успокаивающий, приторно сладкий, излишне равнодушный голос.

– Тише... тише.

Да какого чёрта испытывать моё терпение? Настраивать? Пугать? Я же его знаю! И не так вначале выводила, так пальцем не тронул! А тут на тебе, получи за все годы спокойствия.

Слышу сзади звук от поставленного резко на стол бокала... железный отклик от расстегивания на брюках ремня... и хлесткий удар, щелчок, раскалывающий пополам воздух.

– Нет, – смеюсь, правда, уже не так уверенно, – не посмеешь.

Не могу полностью повернуться назад, не причинив боли рукам. Подходит. Боковым зрением вижу зажатый в руках широкий ремень. Подкладывает под грудь и живот большие подушки, заставляя вытащить из-под себя ноги и буквально стать на карачки. Уверенным голосом заверяя:

– Не дергайся, води себя прилично, а-то ещё и ноги свяжу.

Вот кому бы сейчас заявлять о приличиях? Злюсь, руки саднят от впившейся в кожу веревки. Ненавижу его в этот момент! Ненавижу за то, что, не показывая вида, всё же томлюсь внутри и неизбежно возбуждаюсь.

– Вот так, – успокаивает тоном. – Будь послушной девочкой, и всё пройдет хорошо.

Выпаливаю на автомате, уже не чувствуя страха:

– А когда я ей не была?

Смеется...

– Да всегда, если тебя не сдерживать в рамках. А это, знаешь ли, достает...

Вот те раз... аж обидно стало. Я себя столько лет образцово вела, а оказывается, моей заслуги в этом-то и нет. Просто грамотно сдерживали напор... рецидив. Усмехаюсь, уже и, забыв о затекших прокалывающих руках, проваливаюсь куда-то далеко в свои мысли...

Из забвения выводит первый удар, не сильный, сдержанный мягким кружевом. Начинию кричать на него, больше не от полученной боли, а от возмущения, удивления им. Возобновленная боль в руках, уже натертые красные полосы, ещё один резкий рывок и окрасят веревку в кровь... Зад начинает гореть огнем, боль расходится, медленно отдаваясь пульсацией по всему телу. Ещё один сдержанный, смягчающий хлопок... Не сдерживаю вырывающийся жалостный стон. Мягко поглаживает по спине, успокаивая пульс. Я уже даже на него не кричу, понимая насколько не в силах контролировать момент. Процеживаю шепотом между хлопками:

– Я ведь отомщу...

Отвечает где-то рядом:

– Знаю.

Закуривает. Пытаюсь расслабиться, закрываю глаза, отдыхая, когда проходит

жестким ремнем по воспаленной коже... спускается по длине ног, возвращаясь вверх на спину... Не думаю. Не хочу, но чувствую нарастающее возбуждение... не хочу! Не в силах скрывать... знаю, что он это видит, чувствует... Что же он чувствует сейчас? Срывает с мысли одним ударом, заставляя стонать, ощущать уже приносящую удовольствие, разливающуюся по телу свинцом легкую боль.

Извиваюсь, рана руки, пропитываясь огнем ещё больше. Обжигая дыханием ветвистый металл, готовая вгрызаться в подушку – лишь бы молчать. Не дать почувствовать власть... Заставляет развести ноги, падаю на подушки не в силах больше стоять. Одно прикосновение ремня вдоль внутренней стороны ног... снизу—вверх, касаясь столь будоражащих зон... разрываюсь со стоном... натягивая до предела руки и падая ниц. Содрогаюсь, хватая воздух пересохшим ртом. Ненавижу его... И люблю таким. Не прикоснувшись и пальцем, заставить кончить... наказать... сполна. Нет... это не мой муж. Этого парня я точно не знаю... Слышу рядом треск веревки. Стальной нож как по маслу перерезает ее. Освобождает запястья, рассматривая

ссадинами... Нежно укладывает рядом руки, дает стакан, чтобы попить. Накрывает шелковым покрывалом. Отрешаюсь, устав, проваливаясь в сон.

Глава 11

Открыв глаза в темной комнате, пытаюсь привыкнуть, осмотреться. С балкона в щель штор просачивается легкий свет. Привстаю на болящих руках, инстинктивно шурю, на негнущихся ногах поднимаюсь, стараясь держаться расслабленно, иду к нему. Толкаю плавающую дверь, слегка поворачивает голову... кусаю губы, немного неловко. На столе в пепельнице гора из окурков, почти опустевшая бутылка JD, полупустой стакан... неразбавленный, без льда.

Отворачивается, закуривает. Подхожу, сжимая кулаки и слегка жмурясь, сажусь лицом к лицу, на его колени. Крепко прижимаю к себе, забирая из рук сигарету, жадно наполняя дымом свои легкие. Отстраняюсь, смотря в усталые серьезные глаза. Аккуратно целую, забравшись рукой в волосы, поддавшись накрывающему порыву нежности, шепчу на ушко ласковые слова. Берет в ладони мои запястья, хмурясь, целует. Останавливаю...

– Злишься?

Отрицательно качает головой.

– Надо было выпороть тебя при первой встрече, глядишь, уже перебесилась бы... а так, ты не права. Не стоит получать от боли удовольствие. Привыкнешь – начнёшь искать больше, а в конечном счёте всё осточертеет. Грустно улыбаюсь, прижавшись к груди, он не видит. Вру, стараясь держать голос спокойным, что совсем ничего не ищу. Прижимаюсь сильнее, поднимает, уносялизывать раны: он – мои запястья, а я – его душу. Медленно, спокойно, нежно... Без всякой пошлости... блуждающих мыслей... Без желания что-то получить взамен. С готовностью всё отдать. Забыть, простить и понять.

Всю ночь без сна. Пытаюсь успокоить, утешить звучащий, словно барабанная дробь, пульс. Разговорить. Объяснить незыблемые истины. Вдолбить в эту светлую голову, что её отчаянное "хочу" наперекор всему и вся, может слишком дорого стоить. Привыкшая ни в чём себе не отказывать, заскучавшая без взрыва эмоций, истошно требующая познать новое, неизведанное ранее. Словно ребенок, не способный видеть опасность, идущий напролом к вожделенной цели, не боясь споткнуться, упасть, разодрать в кровь руки и колени. Важнее дойти, вытерев об рукав слёзы. Важнее дотянуться до звезды, мерцающей у горизонта, открыть новый мир, манящий впечатлениями. Не думая о набитых по пути шишках. С детским восторгом рваться вперед. Вновь вырывающийся наружу взгляд той дерзкой девчонки, готовой бросить вызов. Которая и сама не понимает, к чему оно приведет. Вызывающая ответное желание обуздать, вырвать с корнем эту беспечность, усмирить. Словно огню, требующему воздуха для горения пламени, перекрыть кислород, весь доступ. Стоять рядом и наблюдать, как он, медленно поглощая сам себя, угасает.

– Сколько времени я уже лежу, рассматривая переливы солнечных бликов, играющие в её волосах? Вздёрнутый маленький носик, уткнувшийся мне в плечо. Расслабленные губы, сложенные в полуулыбку. Обманчиво—умиротворенное личико и уже успевшие потемнеть бордово—красные отметины на тонких запястьях. Не спешу покидать постель, не желая будить, причинять боль своими движениями. Оставаясь ещё немного в тишине, которую не развеивает шум ветра, доносящийся из-за приоткрытой двери и звонкое пение птиц. Эта тишина спадет, как только она откроет глаза. Разобьет спокойствие озорным взглядом. Провоцируя своими действиями образование цунами на спокойной глади воды. Смешивая в единую волну всё – от ненависти до любви. С силой разбивая устойчивый фундамент, дробя в песок незыблемые опоры отношений, оставляя на поверхности лишь хаос, из которого не всегда, даже обточив острые углы, можно вновь возвести что-то крепкое и нерушимое.

Не растерять остатки себя в погоне за призрачным удовольствием.

Я проснулась от пронзающего насквозь взгляда, наблюдая отражение своей улыбки в слишком серьезных глазах. Успев позабыть о боли в руках, крепко обхватываю за шею и при-

тягиваю к себе, зарываясь пальцами в густые волосы. Не желаю думать о произошедшем и неоспоримо внутренне радуюсь радикальным переменам. Не способная до сих пор представить, что мой излишне рациональный, сдержанный и спокойный мир может быть таким... непредсказуемым. Мир, с утра играющий переливом красок, словно бабочка, сидящая на ладони, дающая возможность рассмотреть мельчайший узор в сиянии смешанных текстур. Один взмах крыла – и ты остаешься наедине со своими ощущениями, тающими сладкой дымкой воспоминаниями. Поднимаю ресницы, пытаюсь отыскать удовлетворяющие любопытство ответы в глубине его взгляда, понять, как себя вести. Отогреваю открытой улыбкой. Закрывает глаза поцелуями, успокаивая рвущееся наружу желание кричать об обожании всего мира. Тихо обнимает, утыкая себе в грудь. Заставляя проживать именно этот момент, выдергивая из витающих в воздухе воспоминаний...

Непохожий ни на кого в моём окружении. Резко ворвавшийся в жизнь, нагло вытащивший с танцпола ночного клуба, с зала, где остались друзья. Увез в ночь, не спросив повторно моего адреса, помня дом, подъезд и квартиру, которую я называла год назад. Выслушав, не перебивая, рвущуюся наружу истерику, плавно заткнул аккуратным поцелуем, обещая в корне изменить мою жизнь. Так и вышло. За неделю обаяв родителей, не расставаясь более чем на ночь, пришел с букетом и сделал официальное предложение. Собрал мои вещи и этим же вечером отвез на свою квартиру. Я была влюблена в эту дерзость, решительность. С широко открытыми глазами жадно впитывала новый мир. Меняя своё окружение, стиль одежды, плавно искореняя свою необузданность и дерзость, успокаивая себя.

Наутро после нашей первой совместной ночи мы подали заявление, и жизнь закрутилась, словно рулетка, с силой толкая по кругу маленький мяч. Предсвадебные хлопоты, напутствия мамы, не чаявшей души в будущем зяте, выбор страны для свадебного путешествия... Голова шла кругом от обилия новых забот, возможностей и обязательств. Казалось, сводящих с ума чувств. Не знаю, любила ли я действительно его тогда, но замуж шла отчаянно счастливой. Наплевав на разницу в возрасте, пропитавшись влиянием этого мужчины. Белое элегантное платье в пол, не пышное, без намека на вульгарность, покрывающее легким кружевом тело, закрытое от посторонних глаз, оставляя лишь толику для разгона фантазии, прозрачный флёр, струящийся волнами, как и фата. Мне завидовали подруги, от меня отвернулись друзья... В то время он познакомил нас с Крис. Эта уравновешенная и открытая миру брюнетка научила меня основам, сделала из меня, ещё вчерашней взбалмошной школьницы, легкое подобие себя – элегантную, уравновешенную замужнюю женщину. Наша пятилетняя разница в возрасте помогла ей держать авторитет, а мне – заставлять тянуться к ней, буквально выкинув накопившийся мусор из головы и немного устаканив жизненные принципы.

Я шла замуж с улыбкой. Не задумываясь о том, что нас ждёт, четко понимая, что этот мужчина, как никто другой из моего окружения, сможет решить любые проблемы. Стоит лишь попросить... И я видела эти глаза, встречавшие меня на ковровой дорожке, смотревшие прямо в душу, нежно, с улыбкой. В тот момент, не видя никого на своем пути, шла именно на них, мысленно уже говоря ему «да»... навсегда.

После была Испания, белоснежное побережье, старинные замки, быющие фейерверком эмоции и оставившая незабываемый след в душе Барселона.

Собор Гауди, поражающий своей красотой, величием и масштабом. Загаданные желания. Ночные прогулки по мостовым, переполняющее чувство благодарности, уважения, любви. Мы ходили, держась за руки, будто боялись друг друга отпустить или потерять в невидимой толпе, в ночи, когда кругом никого нет. Обнимались, до боли сжимая плечи, бесстыдно целовались в переполненных людьми местах. Оставались одни, слушая в короткие мгновенья тишины наши отражаемые от стен стоны, наполняющие уютный гостиничный номер. Разрывая ими тишину классического спокойствия старушки Европы. Смеясь и танцуя

в те дни на её площадях... Порой мне кажется, что именно в Барселоне, в её очаровывающей притягательности я оставила своё счастье.

По прилету обратно в Москву нас захватил сумасшедший ритм жизни. Работа, учёба... Нежность постепенно сошла на нет, оставляя взамен доверие, уважение, совместные планы. Нехватку эмоций щедро компенсировали более важные заботы и дела: строительство дома, его обустройство, рождение дочери. И всё, казалось бы, гладко и спокойно. Тогда что же давит сейчас?

За все эти года я привыкла пользоваться суррогатом, синтезировать в себе эмоции и чувства. Видеть там, где на самом деле их нет. Разделять их с собой...

И вот в тот самый момент, когда, казалось бы, я, захлестнутая неизведанной ранее гаммой, готова упасть, поддаться искушению, отдаться на растерзание покорившему одним только взглядом незнакомцу, появляется он. Тот же нежный, давно позабытый, схожий с образом, мелькающим в памяти на улочках Барселоны, и совсем другой, но всё же мой, близкий, далекий, родной.

Чистейшее издевательство над сознанием. Раздвоение личности, молящей выбрать уже что угодно, лишь бы не привычную, убивающую изнутри тишину.

Не смогу больше жить, заменяя. Не готова растрачиваться на бесчувствие. Не способна забыть, вычеркнуть из памяти эту ночь. Вновь вернуться к прежней себе или позволить убить этого парня в нём. Слишком поздно. Слишком многое мне довелось испытать, чтобы так просто об этом забыть. Перечеркнуть. Смотрю в глаза мужа, улавливая незамеченную ранее тревогу. Обнимаю, ободряя улыбкой, целую нахмуренные брови, разглаживаю маленькие морщинки, желая увидеть отклик радости в этих уставших глазах. Ведь всё получится, только если сильно постараться! Понять значение цены, которую ты можешь отдать за случайную встречу, близость. Хотя нет, это слово в отношении Стива абсолютно не подходит. Это лишь страсть. Сигающая, жестокая, не признающая мягкости. Близость – нечто большее, это практически любовь... Практически то, что я чувствую к мужу в данный момент. Грань, по которой хочется пройти, отчаянно веря в успех этого сумасбродного мероприятия. В возвращение того парня, за которого я когда-то шла замуж. Которого потеряла, так до конца и не узнав...

Обжигая кожу дыханием, забывая о необходимости искать нужные слова, мы провели этот день вдвоём, чувствуя нависшую необходимость перемен. Выходя из номера и пытаясь сдать его несколько раз, срываясь на объятия и поцелуи, вновь каким-то непонятным образом оказывались внутри, на кровати или маленьком резном столе. Радую торжествующий разум, открывающий со свистом шампанское, и наливая скучающей логике полный бокал. С третьей попытки сдав номер, державшись за руки мы вышли на улицу, освещенные палящим солнцем, словно софитами, привлекающие к себе внимание... Боясь спугнуть блуждающее рядом счастье, немного опускали глаза. Придя в себя лишь в такси, почему-то дико не желали возвращаться домой. Хотелось продлить спонтанный отдых, вырваться за пределы душных стен, внести диссонанс в свою жизнь, рискнув её изменить... Дочку забирал муж, а я, не скрывая улыбки, пыталась спрятать за спиной обвитые кровавыми цепями запястья. Приехав домой, давя на корню навалившуюся тоску, переодеваюсь. Закупившись суши у макашников, решаю вечером устроить маленький романтический ужин. В последний момент дочь, решив, что успела соскучиться, идёт со мной. Довольные, пересекаем длинный холл первого этажа, щебеча и смеясь без умолку.

Замолкая, ещё не убрав улыбку, переводя глаза снизу вверх от дочери, устремляя взгляд перед собой и натываясь на приближающуюся навстречу "скалу" из огромного походного рюкзака за спиной... Стива. На негнущихся ногах, пытаюсь проглотить ставшие комом слова, словно в замедленной съемке, вслед за Катюшей иду вперед. Прямо к нему, резко остановившемуся посреди коридора и смотрящему мне в глаза. Десять метров... Сверлит взглядом без тени улыбки. Мое сердце стучит, грозясь выпрыгнуть из груди. Пять метров. Не отводит взгляд,

слегка приоткрыв рот, будто хочет что-то прошептать... Инстинктивно облизываю пересохшие губы, замечая ползущие вверх уголки рта. Два метра. Не могу идти дальше... ребенок натягивает руку, отрезвляя болью, тянет вперед. Глаза в глаза, замечая пляшущих на раскаленных углях чертей. Готовящих мне котел, персональный, обжигающий, в этих крепких руках...

Два... один... ноль... расширяются ноздри, в попытке уловить сводящий с ума запах, оживить свой фантом... похоронить его в памяти под пленительным ароматом и больше никогда! Никогда не ворошить!

Отросшая щетина, двухдневная, не меньше... где ты был? Острова? Горы? Лаос? Камбоджа? А я ждала... втаптывая в кромку бассейна кроссовками совесть... в шесть утра. Поворот бритой головы вслед, ловлю колыхнувшийся воздух. Тянущаяся вперед, словно следуя за локомотивом, крепко зажмурившись, закрываю глаза...

– Не позволяй себе обернуться! Ты сильнее! Не смей! Пожалуйста...

Заворачиваю за угол. Трясущимися руками достаю сотню из шорт, отправляю ребенка потратить их в магазин, а сама еле дохожу до лавочки, тщетно пытаюсь с пятой попытки прикурить дрожащую в губах сигарету. Вижу перед глазами замаячивший огонек. Прикуриваю, поднимая глаза вверх от знакомых кроссовок, отворачиваясь в угол. Передо мной стоит тот, кого в данный момент я совсем не хотела бы видеть рядом. Стоит и пытается собрать по частям расколотый пазл. Мой далекий и близкий. Неизменно понимающий и принимающий... За что-то наказанный мною... Муж.

Глава 12

Что происходит с нами в тот момент, когда земля уходит из-под ног? Покрывается глубокими трещинами, низвергая на поверхность обжигающую лаву, годами глубоко спрятанную под толстыми слоями, бетонными плитами, защищающими нас от всеобщего разрушения. Всё облачается в Хаос. Стирая грани и пределы разумного. Подменяя устои и нормы. Окрашивается в серость, бережно окутывая, словно пушистым одеялом закрывая от посторонних глаз щемящей тоской. Пропитываюсь ей, позволяя включить тихую музыку. Ту, которая не слышна другим. В которой можно расслабиться, настроиться на нужный ритм, не замечая проходящие рядом тени. Смешивая лица в одно темное пятно, не видя различий, не ощущая присутствия рядом.

Непослушными руками натягиваю маску безразличия, плотно скрепляя с обнаженной кожей, притупляя рефлекс самосохранения, пресекаю на корню попытку борьбы, смиряясь с законом естественного отбора. Ты проиграла. Признала свою слабость перед хищником. Поддалась искушению, дав проникнуть яду в мозг, разорвать нестабильные нейронные сети, выгравировать на подкорке заветное имя, желание, цель. Бессильная в своём сопротивлении. Опустившая голову в преклонении перед демоном, ловко накидывающим на руки путы. Смирено идущая на заклатие, сжигаемая заживо, молящая об очищении в этом огне. Неспособная думать и что-то решать. Плавно плывущая по течению, утопающая в вязкой жиже, когда-то казавшейся чистым горным ручьём. Каждое чувство прекрасно по—своему. Достоин того, чтобы его испытать. Проникнуться. Ощутить в полную силу. Каждое имеет свой оттенок, запах, вкус. Тоска – это желтый. Цвет увядшего цветка, беспечно сорванного ребенком и оставленного на сером асфальте.

Цвет падающего листка, бережно укачиваемого ветром на подлете к грязной земле. Цвет неизбежности и легкой надежды, с привкусом шлейфа ванили в воздухе и ощущением горечи на языке. Хочется испытать его многогранно. Свернуться калачиком на узкой гранитной лавочке, слившись с ее серостью, растворившись в рельефе темных вкраплений... Стать невидимой для окружающих. Вещью, позабытой хозяином. Музыкой, вызывающей грустную улыбку и тянущей за собой поток из воспоминаний и чувств. Хочется невозможного. Отчаянно хочется... Забывая о главном, что жизнь течет лишь здесь и сейчас. В данный момент. Секунда ранее – уже прошлое, невозможное перекроить заново, переписать. Двумя позже – будущее, такое, каким ты его сделаешь, придумаешь, совершишь. Миллиарды возможностей, случайностей, слов. О чем ты думаешь сейчас? На что ты тратишь бесценные моменты бытия?

Живя прошлым или погрязнув в далеких мечтах... Тех, к которым в данный момент ты не совершаешь и шаг, откладывая на потом, закрывая ведущую к ним дверь на железный засов. Перекраивая, от души замазывая широкой кистью своё настоящее, перечеркивая его темным мазком. Безразличие ко всему имеет синий оттенок. Лёд, покрывающий толстой коркой всё близлежащее. Обесценивающий окружающую красоту. Дарящий ей вечную жизнь, сохранивший её в момент смерти... Естественной, нетронутой, холодной, почти живой... Оно помогает жить, не заставляя карабкаться вверх и сбивать в кровь костяшки пальцев, не требуя бороться, хватаясь за возможность всё изменить. Оно охлаждает разум, замораживает чувства, заставляя принять как данное, не противясь злодейке судьбе. Для чего толочь воду, если знаешь, что в итоге получишь лишь пену, которая растает, не оставив на поверхности и следа?

Бестолку... Проще тихо отсидеться и переждать. Разбавить взгляд холодным оттенком, вытеснив солнечное желание жить. Наполнить настоящее звенящей пустотой. Безвкусной, пресной, глухой.

Что он пытается разглядеть во мне за ужином? Сдавливая виски тяжелым взглядом. Отвечаю бесстрастной улыбкой, совсем не касающейся глаз.

Перекидывает скользящие по гладкой поверхности стола, скрепленные вместе нежно голубые приглашения, заботливо переданные нам Крис. Маленькая попытка развлечься от повседневности, отчасти постылого отдыха. Выйти в свет в элегантном платье, заранее продумав образ до мелочей, попасть под объективы фотографов с фальшиво—радостной улыбкой. Событие месяца, собирающее тысячи зрителей... *vip*. Парусная регата, возбуждающая обилием яркости красок. День азартного соревнования с поражающими воображение ставками. Вечер, на который покупают билеты за долгие месяцы вперед, чтобы на миг оказаться причастным к этому действу. Почувствовать себя его частью.

Оно стоит того, чтобы хотеть? Стоит. Но я не хочу.

– Выбери платье, не броское.

Медленно раскачиваюсь на стуле, осматривая красивые пригласительные с выбитыми аккуратными буквами...

Ocean Marina Yacht Club...

Сказка, в которую хотел бы окунуться здесь любой. Любой. Кроме меня. Я бы с большим удовольствием повалялась на теплом песке, раскинув руки широко в стороны, омываемая волной, пеной, утягивающей в море все лишние мысли...

Пауза затянулась. В моем лбу явно прожжена дыра.

– Доставь удовольствие Кристине выбрать его самостоятельно. Я покорно надену всё, что она предложит.

Не успеваю закончить фразу – кидает вилку, со звоном отлетевшую от тонкой кромки фарфора. Встает, сверля взглядом, утыкаясь в бережно сложенную мной кирпичную стену, не пропускающую эту злость, не пробиваемую напором. Спокойно смотрю вперед, не отводя взгляд, выводя до предела, явно прилично беся. Неудовлетворенный моей реакцией, уходя прочь, с силой бьет кулаком по столу. Наблюдая за содроганием посуды, медленно улыбаюсь.

– Мазохистка, твою мать...

Верно подмечено. Ох, как верно... Вечер проводим в отчуждении, будто и не было изменений лишь сутки назад... попытки сближения... всё перекрылось разом, и я никак не могу заставить себя сделать первый шаг. Знаю, что виновата. Не желаю за собой это признавать. Выхожу на балкон, минуя приоткрытую дверь спальни, вдыхаю освежающий воздух. Так и хочется прошептать лишь губами в разрывающую гулом двигателей тишину:

– Hello... how are you? Where are you?

Затыкая глубоко в себе романтически – лирические мечты, не имеющие ничего общего с всплывающим образом перед глазами. Наполняя кровь никотином, щедро пропитывая дымом пахнущий дивным ароматом плюмерии воздух. Наслаждаюсь одиночеством, нежеланием мужа попадаться мне на глаза. Спасибо тебе за это... Мне необходимо это обманчивое чувство свободы, неповиновения, возможности права выбора, совершения ошибки. Необходимо чувствовать хоть что-то. Перестать корить себя во всех бедах вокруг. Чувствуя, как смыкаются веки, бреду в сторону спальни... детской. Утыкаюсь в подушку, ютюсь на небольшом пространстве с краю диванчика, дабы не стеснять своим присутствием дочь, и мгновенно проваливаюсь в сон.

Чувствую шум моря, впивающиеся в голые ступни скалистые камни, колышание шифона на ветру. Освежающий запах свисающих со скалы орхидей. Я стою за краем ограждения, позади белым исполином возвышается старый маяк. Легкие сумерки, и мягкий свет уже включен. Плавню переступаю затекшими ногами по краю обрыва, слыша отголоски от звуков падающих вниз камней. Один шаг, двенадцать метров над уровнем моря... Скалистый обрыв и темная, разошедшаяся трехбалльными волнами пучина, поглощающая в себя льющийся с маяка свет. Один шаг... но я здесь не за этим. Наслаждаюсь спонтанно возникшим спокойствием, единением с самой собой. Балансирую на тонкой грани... на этой кромке, слегка придерживаясь за ограждение рукой, будто на острие ножа – между жизнью и смертью. Держа равновесие,

снимаю обручальное кольцо, плавно отпуская его вниз, не улавливая взглядом быстрое падение, лишь чувствую легкость на освобожденной руке. Шепча в даль одними губами:

– Freedom, – свобода.

Мне кажется, когда я проснулась, улыбка так и не ушла с моих губ. Наполненная чем-то приятным, неизведанным ранее, лежащая на руках у мужа, который аккуратно нес меня из детской в нашу спальню. Пытаюсь ухватить за хвост уплывающее видение, оставить себе это бескрайнее чувство удовлетворения. Плавно закрываю глаза, мечтая досмотреть этот чудесный сон, провалиться вновь в опьяняющую атмосферу. Отрезвляет муж, скидывая на постель. Резко приближается сверху, с силой руками вдавливая в матрас подушку по обеим сторонам от меня. Прощедив сквозь зубы, покрывая кожу мурашками:

– Даже не смей и думать, что я когда-нибудь тебя отпущу.

Выдыхаю с нервным смешком... значит, я уже начала болтать во сне. Так и ходить начну, и хорошо, если по коридору, а не головой вниз с двадцать первого этажа.

Отвлекаюсь, усмехаясь. Возвращает внимание фразой:

– Запомни раз и навсегда, что ты без меня никто!

Начинаю смеяться, уже не чувствую надвигающейся опасности или страха. Лучшее признание в любви, которое я когда-либо слышала в жизни.

Смотрю прямо в глаза, бросая встречный вызов, спокойно проговаривая каждое слово:

– Я и с тобой пустое место. Так что же мне терять?

Освежает мысли крепкой пощечиной. Чертыхнувшись, потираю обожженную болью скулу. Плавно возвращая улыбку в глаза. Наблюдает внимательно, скривившись выдавая:

– Иногда я тебя ненавижу.

Подтягиваюсь на ещё чувствительных руках, ближе к приоткрытым губам, накрывая их своими и шепча:

– У нас это семейное...

Глава 13

Регата начинается ровно в полдень и не секундой позже. Мы приехали к Кристине в одиннадцать. Поздоровались с няней и вывели детей в тенистый прохладный сад. Крис, радостно щебеча, бежит рядом, собирая последние детали. Внезапно останавливается и с восторгом в глазах сообщает:

– Я приготовила тебе такое платье! Оно идеально! Ты будешь просто прелестна! – быстро лавируя руками над моей головой. – Поднимем волосы, обнажив шею. Заколем вот так. Прекрасно!

Тащит меня за руки, запястья которых спрятаны под широкими разноцветными браслетами, говорит и говорит без остановки приторно милым голосом, отражающимся пульсацией в висках. Потираю глаза.

– Пойдем быстрее, я тебе его покажу!

Останавливаю.

– Давай просто положим в машину, я всё равно не успею сейчас его примерить. А вечером я отдамся тебе на растерзание в полную силу.

Надувает губки:

– Ты даже не хочешь на него взглянуть? Ведь знаешь, как я люблю тебя наряжать...

Обнимаю подругу.

– Ну, хоть кому-то доставляет удовольствие со мной возиться... – пресекаю непонимающий взгляд, смягчая голос. – Я тебе полностью доверяю и знаю, что прекрасней, чем ты, меня сделать никто не способен!

Улыбается. Резко взрываясь:

– А ты что, поедешь на регату вот так? В простом белом сарафанчике, шлепках, без прически и не накрившись?

Усмехаюсь, осматривая себя в зеркало. Не так и критично. Сарафанчик простой, но довольно стильный, шлепки в тон, да с цветочной отделкой, которую повторяют по цвету браслеты, а ещё у меня большие белые очки и широкополая шляпа. Чем не наряд для регаты? Да и косметикой я всё же не побрезговала, аккуратно поправив тон и замазав слегка выступающий на щеке синяк.

– Именно так и поеду, – подмигиваю подруге. – Думаешь, не смогу кого-нибудь там подцепить?

Расстилаемся смехом. Перевешиваю через руку чехол с платьем, и мы идем в машину к мужьям. Подъезжаем на заранее забронированное парковочное место. Мужья галантно открывают двери авто, помогая выйти своим дамам. Натякаюсь взглядом на искренне радующуюся Крис, улыбаюсь, пытаюсь выдать фальшь за правду. Не глядя на мужа, на автомате беру его под руку, натягиваю на нос большие очки и прячу половину лица за широкими полями шляпы. По сравнению с его классическим видом, я совсем не броско одета. Оцениваю себя критически. Испытывая с самого утра чувство несоответствия его ожиданиям, противно сосавшее под ложечкой, решила, что не перед кем особо наряжаться. Надо хоть не сойти с ума от скуки среди всех этих "элитных", словно пятнадцатилетний виски, людей. Найти где-нибудь тихое место и отдохнуть, наблюдая красивый заплыв... или нажраться в баре, пока все будут заняты ставками... и лишить Крис удовольствия нарядить меня на вечер. Это её обидит. Надо терпеть и, как золушка, сломать шпильки лишь на балу, послав к черту красавца принца. Или я потеряла сюжетную нить? Да плевать. Сказки порой бывают с более интересным концом, и не всегда он оказывается приятным. Скорее сносным... или постылым... или впереди маячит более приятная вторая часть.

В жизни тоже так бывает, только обидно: тебя никто не подталкивает судьбе в руки. Не сует под нос волшебный навигатор, указывающий куда идти, а где остановиться... и вот ты сидишь, кусая локти от своего сомнения, на перепутье дорог, готовый биться головой об асфальт, выколачивая желание рискнуть, так боясь оступиться... Только в сказке всё равно всё закончится гладко, а в жизни?

В жизни ад может наступить ещё до того момента, когда прекратится биться твоё сердце. Уча тебя жить в нём. Жить, смирившись с ним.

Любезный мальчик провожает нас на указанные в билетах места. Тиковые плетеные стулья, белые мягкие подушки, широкий тент, закрывающий от палящего солнца, и освежающий ветер, свободно гуляющий среди навесов.

Лазурное море, уходящая в горизонт пристань и сотни различных по классу и размеру судов, готовые побороться за три главных приза. Яркие паруса, развевающиеся на ветру флаги, стильно одетые команды матросов, нарастающий нетерпением гул вокруг.

Столик на возвышении облеплен толпой разгоряченных азартом людей, желающих сделать нереально большие ставки. Высвободившись из рук мужа и успокоив его фразой, что скоро вернусь, бреду в самую гущу событий, мечтая пощекотать нервы, поставить зажатого в руке франклина на бирюзовую яхту, ту, которая так ярко выделяется среди сливающихся в единое пятно белых парусов. Жду своей очереди. Получив заветный квиток, салютую мужу с улыбкой, показывая жестом, что вернусь через пять минут, и иду в сторону бара, вглубь, подальше от всех. Здесь тише, почти не встречаются опоздавшие лица. Все заняли места, ожидая феерического начала, слушая задорный голос ведущего, зазывающего азартно потратить законно или не очень заработанные деньги.

Пройдя мимо бара, замечаю небольшой спуск вниз к белому песку, к самой кромке воды. Небольшая тихая заводь, закрытая от лишних глаз высокой пристанью. Спускаюсь, скинув обувь, садясь прямо на горячий песок, достаю наушники и включаю отвлекающую от всего музыку. *Feeling good...* Улыбаюсь, смотря на прыгающие солнечные блики от корпусов яхт. Скрытая тенью от шляпы, пытаюсь стать невидимой здесь для всех... Музыка заглушает любые звуки, вытягивает изнутри весь негатив, оставляя взамен лишь сладкое, дурманящее чувство наполненности, мягкий кокон из окружающего ото всех одиночества, в котором находиться свободно, легко. Приоткрываю глаза, замечая перед собой надпись на мокром песке "Hello". Поднимаю голову, замечая рядом совсем юного парня с привлекательной, открытой улыбкой, итальянской внешностью и светящимися весельем глазами. Не выключая оглушающей музыки, улыбаясь, мягко киваю в ответ. А он выписывает пальцем:

– *How are you?* – Как дела?

Не желая нарушать своё молчание, рисую рядом улыбающийся смайл.

Перечеркивает, написав:

– *It's not true.* – Неправда.

Фыркаю с улыбкой. А остальные поверили...

– *I wouldn't say that...* – Мне не следует говорить, что...

– *You are beautiful.* – Вы прекрасны.

– *But you lie to me.* – Но Вы лжете мне.

– *Please smile... fair.* – Пожалуйста, улыбнитесь... честно.

Вытаскиваю наушники, смотря в заряжающие позитивом глаза, и, улыбаясь, мягко произношу очередную ложь, не желая обидеть, мечтая лишь побыть в одиночестве ещё несколько минут.

– *Leider spreche ich Englisch nicht.* (нем.) – К сожалению, я не говорю по—английски.

– *Really?* – Действительно? – слышу позади знакомый голос.

Песок заглушает приближающиеся шаги. Смотрит на парня, прожигая насквозь.

– *Have you got any problem?* – Какие-то проблемы?

Усмехаюсь. В данный момент только одна. Взгляд, который хочется с себя скинуть. Продолжаю смотреть на заплыв, отчасти жалея сидящего рядом позитивного парня. Но ведь сам виноват, не в то время, не к той подсел...

– We are just talking. – Мы просто разговариваем.

Хотелось влезть с оправдательной фразой, что я лишь молчу рядом... Но какая разница? Здесь не действует презумпция невиновности. Застукана с поличным... не иначе. Готовься ответить по всей строгости.

А на песке так и виднеются аккуратно выведенные последние фразы. Чем не повод для ревности? Чертыхаюсь, уже не вникая в суть разговора. Вырывая лишь обрывки заключительных фраз.

– This is my wife. – Это моя жена.

– You are a lucky man. – Вы счастливый человек.

– May be... – Быть может.

There are doubts...? – Сомневаетесь..?

– Then you're crazy. – Тогда Вы ненормальный.

Поднимается и уходит прочь. Отличная характеристика мужу, хотя я и сама не лучше. Идеальная пара. Подходит ближе, садясь напротив, коленями на мокрый песок, в дорогом костюме... инстинктивно морщусь. Нет, не от столь притягательного жеста – стоящего на коленях предо мной мужа, хотя такого ранее не припомню... просто... жалко костюм. Зарывается руками в волосы и притягивая ближе к себе, с неуверенной улыбкой тихо произнося:

– Прости меня. Я во многом не прав.

Усмехаюсь, пытаюсь разглядеть в глазах признак игры... но не нахожу.

– Кто ты? Мой муж никогда не извиняется за свои поступки. Ни перед кем. Тем более предо мной.

Отводит взгляд, кутаясь в моих волосах, утыкаясь в шею, будто ища защиты.

– Простишь?

– Да куда ж тут денешься. – А разум вторит: растоптать каблучками всё вышесказанное, собрать неприглядные остатки и выкинуть прочь из памяти.

Плохое забывается быстрее. Ведь оно изначально обесценено, лишено всякого смысла. Это лишь ненужный балласт, тянущий на дно. А вверх... Вверх тянут лишь светлые эмоции и чувства. Замена одного другим вызывает кратковременную эйфорию. Взрыв эндорфинов. Веру. Зарождающуюся надежду. И пусть это лишь химия. Очередная реакция в организме. Но ведь иногда так хочется отдаться моменту и хоть во что-то поверить... Неспешно идём к друзьям, пряча глаза за зеркалом очков. Выигрываю один к трём. Досматриваю очередной заплыв, крепко держа за руку мужа. Перебрасываемся короткими фразами, иногда встречаясь неловкими взглядами, вызывающими странную улыбку. Будто подростки на первом свидании, искоса присматривающиеся к друг другу и не знающие, чего ожидать. Стоит ли вновь пытаться впустить его в себя? Пропитаться доверием? Открыться, подставившись под удар? Но ведь и он вполне готов признать былые ошибки... а что, если ударю сама? Об этом думать не хотелось вовсе. Не сейчас. Не в этот момент хрупкого перемирия. Не в тихой вере в попытку начать всё с начала, перекроив усвоенным опытом былые ошибки. Переписав заключительный акт более позитивно... Домой едем практически молча. Уставшие от жары, проголодавшиеся и утомленные оглушающим гулом. На заднем сидении. В попытках мужа покрепче к себе прижать и аккуратно поцеловать. Прерываемся у порога Крис тем, что игривое настроение можно отложить и до вечера, иначе оставшихся трёх часов до приема нам совсем не хватит, чтобы на нём засиять. Выставленные с вещами за порог мужья, с согласованным временем их приезда. Прощаемся с неловкой улыбкой, трепетно прижавшись друг к другу, боясь резко пошевелиться, чтобы не разорвать соединяющий в одно пространство воздух вокруг. Всё кажется правильным... Таким естественным.

Медленно проводит пальцами по щеке, лаская зудящую кожу.

– Я буду тебя ждать. Всегда.

Улыбаюсь...

– Мне не потребуется так много времени, чтобы к тебе прийти.

Отпускать совсем не хочется. С грустью отгоняю витающие рядом мысли о том, что всё бесследно растает, закончится, так и не начавшись. Вновь. Возможно...

Расцепляю пальцы у двери, не желая идти наряжаться. Зачем? Для кого?

Приятней было бы сейчас вместе с ним сбежать от опеки подруги и попытаться побыть только вдвоем, не для кого-то, не потому, что надо... Попробовать прожить этот момент лишь для себя. Закрываю дверь, ещё пару минут всматриваясь в повисшую вокруг тишину. Порой самое тихое сердце кричит громче всех, разрывая на части пространство. Таит множество эмоций, подавляемых снаружи нейтральной маской. Натягиваю улыбку и иду радовать Крис, отдавая в её умелые руки. Сажусь на приготовленный заранее стул, стоящий в центре комнаты рядом с маленьким журнальным столиком, усыпанным горой разноцветных тюбиков косметики. Под расстилающимся, струящимся из окна мягким светом, закрываю глаза. Чувствую щекочущие прикосновения кисточек, бережные нежные пальчики на своем лице... почти отрешаюсь от действительности, слушая медленную музыку, поставленную заботливой подругой. Пронизывающая сознание Sia с вызывающим "Ты готова стать свободной"... Крис колдует с волосами, завивая в непослушные локоны. Сладко потягиваюсь при просьбе открыть глаза.

Останавливает мою попытку подойти к зеркалу.

– Вначале платье! Хочу, чтобы ты увидела законченный образ.

Улыбаюсь, открывая чехол. Замираю от нежного прикосновения атласа к коже.

Раскладываю на кровати, критически осматривая то, что, кажется, мне не подойдет... Иду выбирать бельё, смутно понимая, что же можно надеть под столь тонкий материал.

Озорно смеющаяся Кристина выносит вердикт:

– Оно здесь лишнее. Поверь. Кружево пропечатается, вульгарно бросаясь в глаза.

Неоднозначно смеюсь...

– А без белья я буду выглядеть более скромно? Да мой ненаглядный тебя приберет.

Улыбается.

– Ты будешь выглядеть очень эффектно и, судя по его пожирающему перед уходом взгляду, он мне ещё скажет спасибо. Сомневаюсь... скорее не выпустит в таком виде из дома. Прикует к батарее, которой к моему счастью, тут нет.

Покорно иду примерять наряд, полностью избавившись от белья, словно скидывая спасательный круг, ещё держащий меня на плаву. Подхожу к зеркалу и раскрываю от удивления глаза... на меня испуганным взглядом смотрит невероятно притягательная незнакомка. Черные пушистые ресницы, эффектно обрамляющие глаза. Кошачьи стрелки, придающие глубину взгляду. Нежный ровный персиковый тон, выделяющий скулы румянцем, будто легкое стеснение коснулось глубины души. Ярко выделяющиеся алые пухлые губы, словно лепестки роз, аккуратно лежащие на фарфоре, вызывающие желание прикоснуться к их бархату и попробовать на вкус. Улыбаюсь... неброская порочность, притягивающая взгляд. Ему не понравится. Он будет взбешен.

Платье, облепляющее стан, словно вторая кожа. Мягко прилегающий черный атлас, V-образным вырезом расходящийся от толстых бретелей и очерчивающий грудь так, что видно соски. Чёрт! Да он мне и в машину не даст присесть, не то, что появиться в этом на приёме! Платье подчеркивает бедра и расходится чуть ниже глубоким разрезом. Устремляется в пол струящимся вокруг ног материалом. Высокие шпильки лишь слегка приподнимают ткань над поверхностью пола. Делаю шаг, эффектно обнажая оголенную ногу. Красиво? Бесспорно! Но это не я. Эта женщина способна свести с ума одним своим появлением рядом. Приковать к себе всеобщее внимание.

Пройтись острыми каблуками по ковру из падающих ниц мужчин. Смогу ли я ей соответствовать? Довольная произведенным эффектом Крис радостно порхает рядом, облачаясь в свой наряд. Щебечет, не переставая, напевая дифирамбы. Резко останавливается.

– Сними свои дурацкие браслеты, они же сюда не идут!

Притупляю глаза, медленно стягиваю, обнажая красные запястья, прекрасно гармонирующие с кровавыми губами. Меняясь во взгляде, подруга резко подлетает ко мне:

– Это что за ***?

– Скромно отвечаю, что это была лишь небольшая игра...

– Идиот! Лиз! Чем это скрыть?

Не получая ответа, набирает номер моего мужа, выливая на него злость от впустую проделанной работы, требуя где угодно срочно купить мне атласные перчатки. Начало в семь, для приличия можно слегка опоздать. Любуюсь притягательной брюнеткой в красном платье, неспешно попиваем Мартини, сидя в мягких лежаках на балконе. Обдуваемые свежим морским ветром, приятно играющим в завитых волосах.

– Что случилось с любимой стрекозой? К этому платью стоило обнажить шею.

Печально улыбаюсь, вспоминая постигшее в тот день ощущение полной свободы...

– Я её потеряла. Она улетела, решив навсегда остаться в южных краях.

– Жаль, красивая была заколка. Твоя любимая... Она бы завершила чарующий образ.

Прерываемся трелью раздающегося рядом звонка. Собираем необходимое в небольшие клатчи и спускаемся вниз. Страшусь и жадно ожидаю реакцию мужа, не так давно просившего выбрать что-то неброское. Чувствую перекаты ткани по оголенной коже, провожающие мужские взгляды вслед. Гордо поднимаю голову, плавно шагая на его взгляд. Встревоженный, открытый и горящий.

Глава 14

*Перемен ожидая разительных,
Осознать стоит четко и ясно:
Жизнь почти что всегда удивительна,
Но достаточно редко – прекрасна.
Э.Севрус.*

Мандражируя, подхожу ближе, пытаюсь придать себе недостающей уверенности. Соответствовать столь детально очерченному образу.

И всё равно не чувствую себя полноценной, будто объемный пазл, макет для презентации, служащий лишь наброском, которым хочется похвастаться. Прототипом, которым хотели бы стать. Красивой оболочкой, таящей внутри слишком много страха, вытесняющего позитивные эмоции и выжигающего заполняемое им пространство пустотой. Устремляю свое внимание вперед, вырывая блестящую на солнце машину, бережно отполированную Тони, мягким красавцем брюнетом, тридцати пяти лет, восторженно смотрящим на идущую впереди Крис. Ослепительно улыбаясь, выхватываю взглядом каждый штрих. Муж никогда не смотрел на меня так. Досадно морщусь. Завидую? Да, возможно. Мой ненаглядный стоит, прислонившись спиной к машине, нарочито расслабленно запустив руки в карманы темных классических брюк. Расстегнув будто стесняющий движения пиджак, тем самым оголив шею, объятую воротником кристально белой рубашки. Слегка уложил назад непослушно развивающиеся на ветру чуть отросшие волосы. Добавляя в образ мужественности, оставил небольшую щетину, будоражащую мысли, вызывающую желание потереться об неё щекой...

Надел широкие, окольцовывающие запястье статусные часы. Всё в лучших традициях. Не выделяясь на фоне остальных приглашенных. Хозяин жизни, всегда точно знающий, под каким соусом следует себя подать. Сейчас почти соответствую, хотя и чувствую себя голой под этим взглядом. Делаю ещё шаг вперед, ощущая на коже дыхание. Обнимает, кутаясь в спиральных локонах. Опускает руку на бедра, медленно проводя ладонью вниз и возвращаясь наверх, прощупывает подушечками пальцев тонкую ткань. Отстраняясь, ловлю легкую улыбку, заговорщически наполненную искорками хитрости. Отражение мыслей в потемневших глазах. Расширенные пульсирующие зрачки, словно у наркомана, позволившего себе желанную дозу. Довольная произведенным эффектом, пытаюсь слиться воедино с его дыханием... не успеваю, сбиваюсь с ритма. И что бы он ни говорил сейчас, какие бы истинные эмоции ни хотел спрятать за недовольством моей непокорностью – тело не обманешь. Его язык намного красноречивее. И даже в этих попытках вернуть холод глазам я всё же вижу, какой огонь горит на самом дне. Не признает, но ему нравится.

Нравится видеть, как меня облизывают взглядом, а дотронуться может лишь он.

Сжать в руках свою собственность, заклеянную браслетами, издаലെка бросающимися в глаза. Ощущаю себя так, будто выбиваю искру из холодного камня, желая прогреться его теплотой. Что ему сейчас хочется сделать, когда он изучает мой броский наряд? Переломить на глазах у всех за неподчинение, показав, кто здесь хозяин. Хочется? Возможно и большего... Только ведь не покажет, спрятав взгляд за маской равнодушия. Но иногда жесты и молчание многограннее слов, и ласкать способны сильнее самых изысканных комплиментов. Протягивает перчатки, плавно постукивая подушечками пальцев по слегка выступающим тазовым косточкам. Благодаря моим высоким каблукам, мы практически на одном уровне. Прищулив глаза, смотрит в упор.

– Ты ничего не забыла надеть?

Улыбаюсь, на ощупь отсутствие белья было бы трудно не заметить. Прикусывая губы, с теплотой перевожу взгляд на Кристину, улавливая уже начавшуюся их небольшую перепалку.

– С тобой я ещё поговорю.

– Могу ответить тем же, – плавно подхватывает перчатки, ловко пряча в них мои запястья. Отчаянно выпаливает. – Только попробуй ещё раз обидеть девочку!

Не скрывает улыбки на резкий выпад подруги. От вспыхнувших в памяти картинок мои щеки заливает жгучий румянец, заставляющий потупить взгляд в пол. Усмехается...

– Крис, не смеши. Котенок, защищающий тигрицу. Такого я ещё не видел.

Удивленно поднимаю на мужа глаза, пытаюсь разглядеть таящуюся издевку в этой фразе.

Тот в ответ лишь подмигивает, притягивая к себе и целуя горячими губами в висок. Дрожь пронзает всё тело, так жаждущее нечто больше, чем поцелуй.

Пересекаюсь с Тони, поддерживающим подругу легкой улыбкой и нескрываемым весельем в глазах. Бросаю на мужа умоляюще – озорной взгляд.

– Милая, не ведись, это он от страха. Ты ж у меня боевая... кошечка, – перехватывает суровость подруги, тушуясь. – Пантера, милая! Пантера!

Пытаемся сдерживать нарастающее веселье, кивая в ответ. Слегка подобревшая Кристина садится в машину и, с улыбкой надув губки, явно решает пока больше не контактировать с моим мужем.

Подъезжаем к изысканным резным воротам, играющим золотыми бликами в свете направленных на главное здание софит, отмечаемся в списке, тормозя у самого входа. Неспешно выходим и передаем персоналу ключи. Лестница вверх украшена ковром цвета индиго, расписанным, будто перекатами морской волны. Утопаю каблучками в его мягкости, аккуратно ступая, взяв мужа под руку. Тридцать ступеней, ведущих к мерцающему огнями, обрамленному белыми колоннами входу. Теплая живая музыка, наполняющая пространство. Подсвеченные цветочные композиции на зеленых газонах. Тающие в сумерках белые паруса яхт, уходящие в сторону горизонта.

Улыбаюсь, вдыхая солоноватый воздух, смешанный с изысканным ароматом специй, блюд, подаваемых внутри. Крепче хватаюсь за руку мужа, начиная восхождение в святая святых. Развешивающееся по ветру платье оголяет ноги практически до линии бедер, где удерживается лишь небольшим бантиком, фиксирующим разрез на двадцать сантиметров ниже выступающих косточек.

Пытаюсь рукой хоть немного удержать атлас на положенном ему месте. Тщетно.

Наблюдающий за происходящим муж останавливается, недовольно вздыхая:

– Напомни мне её хорошенько поблагодарить.

Одним движением берет на руки, крепко прижимая к себе, развивая платье, словно парус по ветру, флаг, выкинутый противником. Обвиваю шею, вдыхая родной запах, смешивая его со своим на оголенной коже. Закрываю глаза, уткнувшись в шею алыми губами, будто вернувшись сквозь время назад, в те чувства, эмоции, мечты, одолевшие в день свадьбы.

Из забвения выводит вспышка и щелчок фотокамеры.

Сквозь улыбку недовольный голос мужа:

– Поздравляю, твои ножки вошли в историю.

Всё медленно рассыпается на части. Момент потерян, оставив лишь горькое послевкусие. Аккуратно ставит на площадку перед входом, приторно улыбаемся перед фотографом на парном фото. Вытираю отпечаток своей помады, словно перечеркивая внезапный порыв... Заходим внутрь, ослепленные ярким светом, оглушенные разнообразием акцентов и языков, доносящихся со всех сторон.

Белый зал отражает от стен мягкий свет, иссиня—золотой ковер, поглощающий звуки шагов, аккуратные кристальные резные столики спрятаны за массивными колоннами. Зеркальный потолок повторяет рисунок ковра, словно морская гладь с бурлящей на поверхности пеной.

Стулья обрамлены шершавым материалом, будто золотым песком. Ощущаю себя рыбой, запущенной в огромный аквариум. Прикормили и отпустили в свободное плавание на съедение хищникам. Голова идет кругом от блеска украшений, щедро развешанных на дамах. Следуем в самую глубь, останавливаясь для приветствия знакомых персон. Устаю улыбаться, но держу лицо, позволяя возможным партнерам по бизнесу с ног до головы облизывать меня взглядом. Покорно сжимаю руку мужа, не давая повода взбудоражить мысль о возможной взаимной симпатии. словно кукла, выставленная на всеобщее обозрение, нахожусь рядом с хозяином.

Жду официальной части, мечтая снять давящую улыбку с лица. Перевожу взгляд на благоверного и про себя усмехаюсь. Вот сейчас он действительно доволен жизнью и бескрайне возбужден. Только причина этого вовсе не в моем платье или отсутствии под ним белья. Не в масляных взглядах коллег на его спутницу. Причина вообще не во мне. Здесь нечто большее. Соперница, которую мне никогда не победить. Та, что сводит его с ума и зажигает глаза. Доставляет истинное удовольствие. Его работа. Огромный поток богатых людей, способных улучшить наше благосостояние всего одной подписью в соглашении. С этим бесполезно тягаться. В данный момент я лишь приложение, аксессуар к его дорогому костюму. Не дороже часов, красиво обрамляющих левое запястье. Поднимаю взгляд, встречая перед собой улыбчивого официанта с подносом бокалов шампанского, галантно предлагающего подойти к нему. Освобождаю руку, уверяю ненаглядного, что нахожусь в зоне видимости. Хмурит брови, но расцепляет пальцы, отпуская птичку на волю. Подхожу к официанту, снимая искрящийся французский напиток. Ловко удерживая поднос на левой руке, не меняя положения тела и не привлекая лишнего внимания, достает из кармана сверток и передает его мне.

– It's your thing. – Это ваша вещь.

Удивленно смотрю на него, пытаюсь понять, что к чему. Оборачиваюсь на мужа, который слишком увлечен разговором. Разворачиваюсь, недоуменно расширяя глаза. На меня из-под золотой салфетки глядит моя потерянная стрекоза.

Улыбаюсь, поднимая взгляд на довольного произведенным эффектом официанта.

– Where is he? – Где он?

Слегка подмигивает, обводя помещение.

– Somewhere here. – Где-то здесь.

– Please, tell him... I am waiting. – Пожалуйста, скажи ему... я жду.

Заговорщически перекинувшись взглядом, допиваю второй бокал и, зажимая в руках третий, несу мужу. Чувствую нарастающую внутри дрожь и давление стен широкого кругового зала.

Открыто улыбаясь отвлекшимся от разговора мужчинам, шепчу мужу на ушко, что отойду в дамскую комнату. Провожает серьезным взглядом, безапелляционно заявляя:

– У тебя пять минут, вот—вот начало.

Стараюсь быстрее ретироваться, буквально протыкая мягкое покрытие острыми каблуками. Поворот из зала в более темный коридор, дамский туалет, мужской, чуть углубляющийся в темноту холл. Приглушенное, почти интимное освещение, мягкий пол, поглощающий звук шагов, давящая на виски тишина вокруг. Здесь несколько прикрепленных комнат. Я выбрала дальнюю. Стою затаив дыхание, слегка прикрыв глаза... Не желая видеть в зеркальной поверхности стен этот оголенный мечущийся между гранями "правильности" взгляд. Пытаюсь успокоить бешеное сердцебиение. Руки дрожат от выброса адреналина. Не жду... Ожидаю. Тщетно надеясь, что пойдёт за мной.

– Да какого черта ему это надо? – ноет уставший от глупости разум.

– Но ведь зачем-то он её нашёл, сохранил, принёс именно сюда, чтобы вернуть бестолковой хозяйке. Не жду. Усмехаюсь.

Идеализируя фантом, приписывая неподходящие ему сантименты.

Почему не передал раньше? Там на бассейне, так же через официанта...

– Думаешь, Стив таскался с заколкой повсюду? Не обманывайся тем, что что-то для него стоишь. Это всего лишь ловушка, в которой тщательно размазан клей, и ты, словно загнанная в угол мушка, липнешь, изворачиваясь, увязая всеми лапками и безвыходно припечатав мордочку.

Это лишь повод показать свою власть над тобой. Разрушить иллюзорный мир, в котором ты способна контролировать свою жизнь и не пропускать вырывающиеся наружу эмоции. Он чувствует тебя. Твой страх вкупе с желанием. Нутром. Наслаждается им.

– А может это всё выдумки? Тогда хороший парень лишь просто вернул тебе близкую сердцу потерянную вещь. Чем не повод для радости? Да и вообще, почему не блондин, а именно Стив? Что ты станешь делать, если герой не оправдает надежд? Появится вовсе не тот, кого так обожествляешь? Поняв бестолковость затеи, смеясь, качая головой. Ковер проглатывает шаги. Чувствую его присутствие, не оборачиваясь. Вибрацией, проходящей сквозь стены. Пульсацией, усилившейся под кожей. Волосами, вставшими дыбом при приближении к миске с едой пугающего, голодного хищника. Улыбаюсь, готовая распластаться десертом на этой тарелке. Боясь упасть, на негнущихся коленях поворачиваю стан. Смотрю в выжигающие на мне дыры глаза. Впервые так близко. Плавящие плоть. Держащие жертву под своим точным прицелом.

Не раздевает взглядом. Не добавляет в него и капли похоти. Я и так обнажена перед ним. Доступна каждой клеточкой бытия. Привлекая внимание, словно напиток с вызывающей надписью "Выпей меня". Сполна. Утоли свою жажду. Дай возможность насладиться этим падением. Быть уничтоженной твоими руками.

Едва сдерживаю порыв подойти ещё ближе. Сократить страшащие, разделяющие нас сантиметры. Напрочь сбиваю дыхание, отражающееся эхом от зеркальных стен. Улыбается лишь уголками. Дерзко, маняще, заставляя желать прикусить эти сочные губы, оголить клыки, готовые вгрызться под кожу. Улыбается, вырывая из горла слабый стон, обнажая витающие в воздухе мысли, обжигая огнём до костей. Так, как способен лишь он! С серьезным взглядом, в глубине которого дьявольски плещется лава. Вставший в горле ком не дает нормально вздохнуть. Чужим охрипшим голосом шепчу "спасибо", сжимая в руке вонзающимися острыми углами в плоть стрекозу. Плавно кивает, не разрывая зрительного контакта. Ожидая своей порции благодарности, меркнувшей в банальных словах. Делает шаг... замираю, не дышу, не пытаюсь пошевелиться. Проводит пальцами по щеке, обманчиво безвкусно. Оставляя на коже зудящий след от обжигающих рук. Таю, как сахарная вата, покрываясь испариной. Не желаю останавливать возбуждающую ласку, нестерпимо боясь, что в этот момент сможет развернуться и тихо уйти.

Шепчу, еле проворачивая непослушный язык:

– I have only two minutes. – У меня есть всего пара минут.

Глаза дразнят молчанием. Дыхание сдержанно и спокойно. Медленно описывает подушечками пальцев линию моих губ, заставляя трепетать кожу под ними, дрожать от возбуждения. Инстинктивно закрываю глаза, прекратив любое сопротивление. Приоткрываю рот, нежно смазывая горячим языком его палец слюной, зажимая губами, чувствуя вкус табака на его руках. Как ненормальная, испытывая от этого действия неподдельное удовольствие. Готоваястонать от послабления сковывающих границ, от разрешения вкусить неприступный плод.

Обхватывает рукой за талию. Вздрагиваю, желая отстраниться и разом прильнуть к нему как можно плотнее. Проводит мокрым пальцем по шее, заставляя прогнуться назад. Наклоняясь вместе со мной, касается горячим языком практически точки солнечного сплетения, нижней границы V-образного выреза платья. Медленно чертит дорожку вверх, оставляя пылающий след на коже, покрывая её мурашками. Проходит языком по линии декольте, шее, к мочке уха, сладко прикусывая её. Заставляя дрожать под ним, кусать губы, запотевать зеркало, находящееся поблизости и требовать добавки.

Облизываю пересохшие губы, глядя в темные, словно безлунная ночь, глаза.

– You make me mad... – Ты сводишь меня с ума...

– At first blush. – С первого взгляда.

Улыбается, закладывая скулы в ладони, пронзает взглядом насквозь:

– You're just pulling my leg, aren't you? — Ты просто морочишь мне голову, не так ли?

Вдыхаю опьяняющий терпкий запах, закрывая от наслаждения глаза. Шепчу на выдохе:

– You can take it from me. – Можешь мне поверить.

Улыбается.

– I feel you. – Я чувствую тебя.

Нагло размыкает губы, вырывая из горла стон. Ломает в щепки личное пространство, объединяя его в единый водоворот эмоций. Ласкает небо языком. Жестко. Требовательно. Не просит ответа на поцелуй. Вырывает его силой. Руша последние перегородки. Яростно. Страстно. Непокорлемо. Подчиняя себе. Заставляя дышать в одном ритме, сумасшедшем, быстром. Выхватывая друг у друга малейшие клочки осязаемого воздуха, колючего, болезненного, пропитанного статикой. Трахая мозг поцелуем. Дробя на атомы возникающие мысли. Ни с чем не сравнимый... Выматывающий поцелуй, отбирающий волю к сопротивлению. Застылающий грани. Замедляющий время. Ни капли нежности, ни отголоска, проскальзывающего в муже... Даже в попытке наказать. Выбить из головы дурь кожаным жестким ремнем. Стив не жалеет, оголяя желания, убирая лишнюю огранку из чувств, очищая яд, разрывающий вены под кожей. Подчиняюсь, не чувствую боли от сжимающих мои бедра, крепких пальцев, готовых проткнуть тонкую ткань. Лгну к нему телом, сжимая рукой сильную шею, невольно царапая углом зажатой в руке заколки, загорелую кожу. Оставляю на воротнике белой рубашки красные полосы. Путается пальцами в моих волосах, с силой сжимая в кулак и притягивая к себе, будто я способна от него оторваться. Щеки обжигает румянцем, ноги непослушно подгибаются в коленях. Ловит рукой, прижимая к стене, кусая красными от моей помады губами мочку уха, шепча сводящей с ума хрипотцой:

– You're so foxu... saucy... dream. – Ты такая волнующая... дерзкая... мечта.

Падаю, застревая в глубине этого капкана, напрочь прижатая железной пружиной, раздавленная под его силой. Тянусь губами заполучить хотя бы ещё один поцелуй, слыша за его спиной скрип двери, замирая. Чувствую стучащее в висках сердце, складываюсь комочком за этой неприступной скалой.

Резко прижимает меня к себе, утыкая в пиджак, смазывая об него остатки помады.

Разливающийся весельем позади мужской голос:

– Oh, sorry. – Извините.

Слишком спокойный голос Стива, будто и не нерушимый предыдущим безумием.

– It's okay. – Всё нормально.

Начинаю дышать, как только ослабляются руки. Проходит пальцами по растертым губам:

– Are you scared? – Ты боишься?

Отрицательно мотаю головой. Чувствую сжимаемый страхом желудок, прячу трясущиеся руки за полами его пиджака.

Глядя в зеркальную стену, вытирает помаду со своих губ.

– Bring yourself in order. Time is over. – Приведи себя в порядок. Время закончилось.

Не могу отлепиться, чувствуя подступающую панику, истерику, душащую слезами. Не в силах произнести и слова, лгну к нему всем телом, словно не способная без опоры ходить. Жаждающая его рук, голоса, поцелуев. Его присутствия рядом, запаха, взгляда. Сжимая в руках полы пиджака, сминая рубашку. Вдавливая с усилием в кулак застрявшую между кожей и тканью заколку. Не чувствую физической боли, только желание. Быть с ним! Насладиться им! Жизненно важное, словно глоток кислорода. Разъединяет пальцы, вкладывая в них магнитную

карту, поднимая глаза, не веря в происходящее. Это ключ. От его студии. Таких максимум два экземпляра.

Разворачивает и ведёт к дамской комнате. Обжигая шепотом и горячим дыханием:

– I'll be waiting. – Я буду ждать.

Проталкивает внутрь и закрывает за мной дверь. Стою, упершись в раковину, рассматривая размазанную по фарфоровому лицу, словно кровь, помаду. Бесстрастно. Опустошенно. Будто он не только закрыл дверь этой комнаты, оставив меня в ней одну, но и выпил до дна всю жизненную силу.

Усмехаюсь сквозь подступающие слезы:

– Как ты того и хотела.

Достаю влажные салфетки, убираю улики. Припудриваю опухшие от поцелуев губы, заново наношу тон. Почти нормально. Сносно. Терпимо. Да плевать. Поправляю скомканное платье, еще хранящее его запах, отпечатки сжимающих бедра рук, слегка растягиваю в этих местах материал. Почти не заметно. Приподнимаю ткань, оголяя бедро, замечая эффектно выделяющийся красный отпечаток... уверена, и на второй зияет такой же.

– А вот это надо будет как-то объяснить мужу. – Вторит разум. – Набить где-то два параллельных синяка в форме сжимающей пятерни – надо очень хорошо постараться... Не хочу пока даже думать. Пропитанная им, хранящая во рту его терпкий вкус, горечь спиртного, табак и мята. Ещё чувствую его тепло на покрытой испариной коже. Помню ритм стучащего рядом сердца. Всё ещё дыша в такт. Безумие! Мою пораненную заколкой руку от застывшей на ней крови. Не чувствую боли. Она уступает тому, что творится внутри. Гляжу на лежащий рядом ключ, перевожу взгляд на клатч... отпадает.

Собираю волосы, скручиваю французскую ракушку, аккуратно вставляю внутрь карту и фиксирую стрекозой. Упираюсь руками в раковину и устало опускаю голову, накрываемая волной отпускающего адреналина. Усмехаюсь в пустоту, желая разбить издевающееся по ту сторону отражение. Открывается дверь. Замираю в надежде. Будто тоскливо приоткрываю щель в своё сердце...

Заходит улыбающаяся Крис.

– Ну, наконец-то я тебя нашла. Твой спохватился, куда ты пропала?

Вымученно улыбаюсь.

– От шампанского стало плохо. Пришлось даже поправить макияж.

– Уже лучше?

Усмехаюсь...

– Уже...

Выходим из холла, заворачивая за угол. Возле первой же колонны стоит он.

Сняв испачканный синий пиджак и свесив его на одну руку. В слегка помятой спереди белой рубашке, наверняка украшенной внутри воротника кровью. В стильных классических брюках в тон пиджака, подчеркивающих сильные ноги и слегка облепляющих зад. С идеально выбритым черепом и царапающими кожу слегка шершавыми щеками. Стоит, выпуская кольцами дым от сигары, смотря куда-то вглубь меня, разрезая взглядом на клочья, уничтожая силу воли, ещё трепещущую внутри. Вызывает желание лишь вцепиться в эти крепкие плечи, обнять ногами, сцепив их замком сзади, и отдаться на растерзание страсти, наплевав на приличия, прямо здесь и сейчас. Слишком серьезный взгляд, раздирающий душу, разбивающий на мелкие детали мою пресную жизнь. Соберётся ли она заново? В агонии, сгорая изнутри, чувствуя новый приступ боли, опускаю глаза. Хватаю по пути у первого же официанта бокал с непонятной темной жидкостью и вывожу подругу на воздух заполнить легкие дымом, разбавить отравленную кровь никотином.

Выхожу через резную арку, украшенную золотой ковкой, приоткрытую дверь на свободу из замкнутой клетки. Очередная обманка для несметной фантазии.

На моём примере Ганзер бы многогранно расширил описание своего синдрома.

"Живущая в иллюзиях, не имеющих общих черт с реальностью. Придуманная мир, идеализированный воображением". В лицо бьёт теплый воздух, ощутимо касающийся кожи, духота, которую разрезает на части уносящийся в море прохладный бриз.

Цепляюсь одной рукой за ограждение балкона, другой – удерживаю стакан. Впиваюсь в него до хруста костей, грозя расколоть, раздробить на осколки закаленное стекло.

– С тобой точно всё хорошо? – обняв сзади за плечи, мягким голосом уточняет Крис.

Пытаюсь улыбнуться, я уже и забыла об её присутствии рядом. Получается слегка вымученно.

– Всё в порядке. Не переживай.

– Тогда можно я тебя ненадолго оставлю одну?

Чувствуя облегчение, киваю в ответ. Это единственное, что хочется испытать. Не видеть некоторое время знакомых лиц на оживленном балконе. Побывать в тишине наедине с самой собой.

– Где ты её нашла?

Чувствую очередной укол всплывающей перед глазами картинки... Вру в ответ? Недоговариваю? Ограждаю.

– Лежала в кармашке клатча.

Целует в висок, обещая присоединиться после аукциона. Уметь бы и мне также сохранять оптимизм в самых дурацких ситуациях, подкидываемых судьбой. Слышу отдающиеся эхом звуки каблучков по каменной плитке, удаляющиеся, тающие в ворсистом ковре. Ушла. Ветер ласкает, приподнимая выбивающиеся из прически локоны, пытаюсь оголить сакрально спрятанный ключ. Отпустить бы с прохладным бризом свои мысли и тяжесть, подгибающую колени. Тайну, так и норовящую выплеснуться через края. Прикуриваю, ослабляя захват рук.

Чувствую тяжелые приближающиеся шаги, замирающие в сантиметрах за моей спиной. Видать Кристина обмолвилась, где меня найти. Не желая оставлять в одиночестве, она считает, что поступает, как лучше. Резко разворачивает к себе.

По инерции едва не выплескиваю на белую рубашку содержимое бокала, всё же удержав вожделенный напиток на дне. Нехотя поднимаю глаза, ожидая, словно выдрессированная собачка, очередного приказа хозяина. А может всё же сахарка? Хотя, с чего бы... Бесчувственная оболочка, выпотрошенная изнутри.

Способная лишь подчиняться командам, безропотно кивать в такт в нужных местах. Кукла, мастерски управляемая опытной рукой. Маленькая бибабо. Подавляя уколы боли, вонзающиеся в так и не успокоившийся ритм сердца, скидываю с ног шпильки, застилая подолом платья близлежащий пол, окрашивая его расползающейся во все стороны от меня чернотой. Увеличиваю между нашими лицами дистанцию. Этим действием заставляю наклониться ко мне. Опуститься до моего уровня. Хотя ему не суждено настолько пасть ниц.

Не подавая вида, веду. Выслуживаясь. Произносит, отчеканивая каждое слово, звеня жесткостью в воздухе, словно удары молота по наковальне.

– Я просил вернуться максимум через пять минут.

Неужели меня не было намного больше? В том коридоре время явно остановилось, даря возможность насладиться моментом, попробовать друг друга на вкус. Переступить черту невозврата. Крепко затягиваюсь сигаретой, запивая дым янтарным напитком. Без страха смотрю в ледяные глаза. Вызывая новую порцию гнева своим неповиновением. Не боюсь. Ведь говорю правду.

Ни капли лжи.

Только то, что чувствую в данный момент.

– Мне было плохо.

До Стива... а после... стало просто невыносимо. Ты же видишь? Загнанная в рамки, не замечающая впереди света. Поглощенная тьмой. Одержимая ею. Не различающая лиц в антураже сверкающей бриллиантами красоты. Лишь отблески разноцветных камней, слепящих и так зудящие глаза. Берет стакан из рук, поднося к губам. Усмехается.

– И поэтому ты накачиваешь себя бурбоном?

Плавню киваю в ответ.

– Нейтрализую интоксикацию этиловым спиртом.

Возвращает стакан, на несколько долгих секунд задержавшись возле моего лица. Рассматривает опухшие губы? Не надо... Усмехаюсь про себя, поймав на мысли, что он способен словно гончая взять след. Неужели почувствовал присутствие в моих мыслях другого мужчины? Терпкий запах, что ещё хранит моя кожа? Нотки смолы, ладана... чертовски привлекательный аромат! Привкус гвоздики, мускатного ореха и благовоний. Запах настоящего мужчины. Хищника в городских джунглях. Знающего о безграничности своего влияния. Легко подчиняющего себе желанную добычу, способного сделать так, что она с улыбкой и блеском в глазах, словно на праздник, пойдёт на заклятие. Муж не любитель настолько экспрессивных смесей. Его фаворит – освежающие тонкостью ароматы, раскрывающие свои грани по истечении времени, в определенных обстоятельствах, смешиваясь с запахом кожи. Не бросающиеся в глаза. Сдержанные, как и сам обладатель. Притягивает за подбородок, удерживая между указательным и большим пальцами, приподнимает лицо, заставляя встать на мысочки и смотреть прямо в глаза. Наклоняясь, целует в шею, поднимаясь выше, закидывая выбившуюся прядь за ухо. Замираю, испытывая кратковременное дежавю, только с изменившимся главным героем.

Останавливаясь, шепчет на ушко:

– Так где ты так долго была?

Ещё раз объясняю, пытаюсь сохранить голос спокойным, замедлить свойственное вранью метание зрачков. Смотрит прямо в глаза, ехидно улыбаясь ими, и тихо произносит:

– Хорошо.

Уверая в обратном, что ничего хорошего мне здесь и не светит. Достает сигареты, прикуривает, слегка отходя в сторону, по правую сторону кругового ограждения балкона. Упираюсь взглядом в открытые резные двери, облокотившись на которые стоит Стив. Готовая нервно рассмеяться над сложившейся ситуацией, выкидываю тлеющую у фильтра сигарету и тянусь за другой. Как долго он здесь? Наблюдает... преследует... загоняет в капкан.

Сжимаюсь в комок при приближающихся шагах. Затаив дым в легких, пропитав им сознание, разворачиваюсь на пятках, опираясь на перила, словно страшась не его присутствия рядом, а падения вниз. Стою в относительной близости, меж двух мужчин, чувствуя давление и влияние каждого из них на мою ослабленную психику. Нервозность мужа. Недовольство моим поведением.

Насупившийся, витающий далеко в своих мыслях. Ледяное спокойствие Стива. Флегматичное. Пугающее, словно затишье перед приближающейся бурей. Этот мужчина способен одной фразой, брошенной вслух, рассыпать на крупички мою жизнь. Развеять её прах по ветру. Нервно сглатываю, боясь посмотреть на обоих. Любовный треугольник в отсутствии любви... И двое знают свои роли, а третий пребывает в неведении. Повисшая в воздухе ложь расплывается густым туманом. Сглаживает грани и теряет в себе остатки морали. Трое невольно связанных людей. Роял стрит флеш, разложенный кем-то на небесах. Осталось лишь выяснить, кто выступит тузом при открытии карт. Так или иначе – беспроигрышная комбинация. Точно играю с огнем, щекоча нервы. Боясь повернуть голову в какую—либо сторону, выдыхаю дым в горизонт, в меркнувшее в темноте море. Внизу красиво подсвечены пальмы, подстриженные в чудные формы кусты. Мерцающие огнями пристани, уходящие в даль. Вот только не замечая всей этой притягательной красоты, передо мной мглой расстилается море. Разбавляю дымом искрящийся воздух. Замечаю, как белеют костяшки пальцев Стива, впившихся в витиеватое

ограждение. Напускное спокойствие глаз и натянутое струной напряжение напряженное тело. Как же в нём гармонично сливается всё воедино. Хочется скользнуть рукой, расслабляя эти мышцы, выпустить наружу готового к прыжку зверя. Протянуть ладонь, накрыв его своей. Усмирить... рискуя, словно кролик, затаившийся перед удавом.

Выкидывая белый флаг, испокон веков преклоняясь пред сильнейшим.

Стив

Смотрю на неё искоса. Прячу глаза в облаке дыма, точно бросая шашку, возвожу непроницаемую завесу. Красные пухлые губы на бледном лице – вызывающе выброшенная тряпка, точно мулета в корриде. Знала бы она, насколько бурные фантазии они вызывают. Что хочется сделать с этим развратным ротиком на ангельском личике... Чёрт! Стоит, такая ранимая, будто потерявшая почву, ушедшую из-под ног. На краю обрыва, ведущего в пропасть.

Вызывая желание упасть вместе с ней, испытал всю сладость грехопадения, или дать руку, чтобы удержаться от непоправимой ошибки. Противоречивая.

Нагло врущая в глаза, что ничего не боится, и дрожащая, словно кленовый листок на ветру. Непривычно хочется защитить, укрыв в объятьях, хотя правильнее было бы сдать с потрохами мужу и забыть дерзкую девчонку, пытающуюся неумело вести двойную игру. Наказать, отбив напрочь желание морочить голову испепеляющим озорным взглядом. Или спрятать за своей спиной, не дав в обиду. Именно так и поступил там, подвергшись непонятному импульсу... Почему? Неужели поверил голосу, срывающемуся на дрожь? Готовности открыться. Поверил? Глазам, в которых плещется испуг, вкупе с желанием. Опьяняющий коктейль эмоций. Поэтому отдал ключ? Решил проверить насколько далеко способна зайти? Взяла, не сопротивляясь, удивив и меня, и себя. Будто это не дверь, ведущая в преисподнюю, а долгожданный подарок небес. И что делать с этой девчонкой, если решиться прийти? Сдерживать себя, не оставляя отметин? Быть нежным? Может ещё и шахматную партию предложить, не переходя к десерту? Wtf? Остатки терпения покинули ещё там, в сумраке коридора. Сумятица в мыслях и чувствах.

– Have you got a cigarette? – У вас не найдется сигареты?

Оборачиваюсь, вытаскивая пачку, встретившись с ней мимолетным взглядом, будто молящим пощады.

Даю прикурить, слыша ехидное:

– This again you? – перевожу взгляд на неё. Продолжает со смешком. – Both. – Это вновь вы? Оба.

Остаюсь отстраненным, будто и не услышав вышесказанного. Надеюсь и её муж тоже. Выкидываю сигарету, уступая место подвыпившему весельчаку.

Вложив всю сталь во взгляд и улыбку в голос:

– Bro, don't mix drinks. – Братишка, не смешивай напитки.

Ухожу, не оборачиваясь, зная, что и она не посмотрит вслед.

Надеюсь выкинуть всю дурь из головы, слишком занявшую мысли после этой встречи. Сжимая её бедра, желая ей овладеть. Сдерживаясь, сдерживаясь и сдерживаясь. Чувствуя на языке испарину кожи. Wtf? Вперед. Найти у бара доступную девчонку, взять пару бутылок покрепче и вернуться в привычный ритм. Ты платишь, она благодарит. Не опасаясь за кого-то. Не думая, насколько сдержанно стоит себя вести. Туда, где всё просто и понятно и никто не морочит тебе голову, дрожащими от страха и желания алыми губами.

Спиной чувствую удаляющиеся шаги, не приносящие успокоения. Не смотрю на придурка, решившего нас поддеть.

– А он молодец, – вторит зазевавшийся разум. Нехотя признавая стойкость несостоявшегося любовника.

– Пока что?

Не знаю... Пусть уходит. Не оборачиваясь. Чем бы ни закончилось это безумие, во мне навсегда останется частичка его. Маленькая тлеющая искорка, способная сжечь заживо, стоит лишь приблизиться к ней... Выкидывающий сигарету муж, крепко берет за руку. Со слишком серьезным взглядом смотрит куда-то вскользь. Поднимает туфли, галантно помогая надеть. Теряюсь в догадках, чего же ожидать. Поравнявшись, целует. У всех на глазах. Пару секунд колеблюсь в ответе, понимая, как не хочу распрощаться с той сладостью движений, оставленной в памяти Стивом. Не желая сравнивать, смешивать, забывать. Отвечаю на увеличение напора, основательно запутавшись в витающих в воздухе чувствах. Ощущая горечь на языке – его или мою выпивку? До прихода сюда тоже пытался снять стресс? Выходит, методы у нас сегодня одинаковые. Нарастивает ритм с легкостью захватывая пространство.

Чувствую его гнев, прогибаюсь, пытаюсь погасить вспыхивающее пламя.

Сдерживаю подступающие слезы от боли в мышцах из-под сжимающих шею и скулы ладоней. Впервые задаюсь вопросами, на которые не могу найти достоверного ответа. Почему он до сих пор не ушел от меня? Безропотно закрывая глаза на бывшие выходки. Неужели действительно нуждается во мне? До сих пор любит? А я? Чувствую себя полным ничтожеством. Отстраняется, не говоря и слова, вытирает мои губы белым платком, заправляя выбившиеся пряди, медленно проводит им по мочке уха. Вздрагиваю словно от пощечины.

Нервно сглатываю ком. Вытирается сам, не меняя тон глаз. Сграбастав руку и с силой её сжав, ведёт внутрь. По пути к мягким диванчикам в глубине, хватая с подноса янтарный бокал. Не разбавленный, без льда. Повторил за ближайший час ещё несколько подобных порций. Довольно существенных, как минимум на три пальца. Не выпускал моей руки из крепкого замка. Не говорил в мою сторону ни единого слова.

Смеюсь над шутками возможных партнеров и оставаясь с неразбавленным льдом в глазах. Холодным и расчетливым, будто создавая в уме какую-то стратегию. Высчитывая беспроигрышные варианты. Всё как в бизнесе. Как он умеет. Четко и просто. Только вот одна мысль неустанно тревожит воспаленное сознание, что главным трендом в ней остается не получение прибыли, а она возводится лишь вокруг меня. Сижу, искоса присматриваясь к мужу, ловя наигранное спокойствие. Иногда сжимая кулак, шевеля пальцами зажатой в тиски, затекшей руки. Каждый мой жест, провоцирует легкий поворот головы, будто проверяя или вспоминая, что, оказывается, я ещё здесь.

– Наслаждаетесь вечером? – щебечет на ушко подлетевшая сзади Крис.

Пытаюсь вложить в улыбку последние силы и выглядеть как можно естественнее.

– Милая, ты-то мне и нужна, – привстает с дивана муж, извиняясь перед мужчинами за небольшую отлучку.

– Созрел для того, чтобы меня поблагодарить? – расстилается в улыбке подруга.

– Непременно, – отвечает игривой взаимностью.

Одной рукой притягивает к себе и шепчет с пронизывающей до костей улыбкой, обдавая кожу парами алкоголя:

– Только попробуй куда-нибудь отлучиться. Всё-равно найду, но тогда будет хуже.

Разрываю контакт, сохраняя натянутую улыбку. Гримасу, искаженную запахом страха.

– Do not let my lady get bored. Please. – Пожалуйста, не дайте заскучать моей даме.

Ехидство плещется в подвыпивших глазах. Потираю затекшее запястье, под облизывающие взгляды и травление пошлых анекдотов. Желая прикрыть оголенную разрезом ногу, а лучше слиться с партерой напротив и, став незаметной, выйти из эпицентра масляных глаз. Нет ни одной девушки в районе пяти метров. Господа, к вам, даже с туго набитыми кошельками, многие боятся подойти, а я сижу, словно кусок свежего мяса, выкинутый оголодавшим пираниям. Нервы на пределе. Истерически улыбаюсь, обещая Господу вынести что угодно, лишь бы быстрее уехать домой. Несмелой походкой возвращается муж. Сжимая в руке очередной бокал, предлагает тост:

– Here is to me and here is to you!
And here is to love and laughter.
I shall be true as long as you,
But not a minute after!
Этот тост за тебя и за меня!
И этот тост за любовь и за смех.
Я буду искренним, пока будешь и ты,
Но не минуты дольше!

Тонкий английский юмор, слишком оголенный для моего понимания. Сглатываю очередную усмешку, брошенную мне в след под закадровые смешки окружающей элиты. Теряя терпение, с трудом высиживаю ещё около часа, плаваясь на медленном огне от разгоряченных алкоголем взглядов. Поэтому я не хожу на подобные сборища в Москве. Поэтому уже сто раз пожалела, что сунулась сегодня сюда. Обмен визиток давно закончен. Наклоняясь ближе, вновь сжимаемая крепкой рукой, прошу:

– Пожалуйста, поехали домой, тебе на сегодня хватит.
Одаривает взглядом, заставляющим дрожать где-то в глубине подкорки.
– Это мне решать, а твоё место – быть рядом.

Сглатываю подступающие слезы, пытаюсь улыбнуться. С каждой секундой становится легче. Маска тщательно прирастает, выравнивая незаметные беглому взгляду стыки с оголенной кожей. Два часа... уже глубокая ночь.

Считаю минуты до отправления. Кристина давно уехала, шепнув напоследок:

– Какая кошка успела между вами пробежать? Уладь это быстро, не давая разрастись в скандал.

Потрепав по щеке моего ненаглядного, озорно подмигнула ему с фразой:

– Запомни, ты обещал вести себя прилично.

Перекинулись полуулыбками. Кто не в курсе их дружбы, принял бы это за флирт. Кто-то, но только не я. Не сейчас. Желаю продать Дьяволу душу ради того, чтобы в ту же секунду сбежать из этого божьего рая, постылого, давящего броскостью места, заваленного ненужными людьми.

– Ваше заявление рассмотрено и контракт подписан, – усмехнулся разум, услышав через пять минут торжествующее «Мы едем домой».

Впервые за долгие часы искренне улыбаюсь, и, ещё не зная о цене заключенного соглашения, выхожу к подъехавшему такси.

Глава 15

Боль может не только пульсировать, ныть и пронзать. Самая страшная – разъедает тебя до основания. Перезапускает устройство, возвращая заводские настройки. Стирает все установки по жизни, обесценивая маячащие на горизонте цели. Вгоняет в хандру. Дарит талант отравленным глазам видеть во всём только плохое. Ненавидеть весь мир за его несовершенство. Уничтожать себя, день за днём нищая духовно и эмоционально. И вот ты не лучше попрошайки, сидящего у входа в метро. Только он, улыбаясь солнцу, просит денег на выпивку, а ты выпрашиваешь у близких людей частичку эмоций.

Немного внимания, короткий звонок друга, поздравление с днем рождения, мимолетный комплимент мужа, заметившего новую прическу, улыбку ребенка, лайк в соцсетях. Выпрашиваешь, чтобы не сдохнуть от разрывающей боли, кричащего одиночества, которое не заполнить балансом на банковской карте. Которое выбивается из души лишь прикосновением теплой руки, горячи поцелуем, разгоняющим кровь по застывшим венам. Любимой руки, не способной приносить зло, ласкающей и нежной, не глядящей против шерсти.

Только однажды ты понимаешь, что тебе уже не помочь, потому что некому кинуть спасательный круг. Ты сам отрезал все пути к отступлению. Поставил всё на zero, а выпала семерка на черном... Мы все совершаем ошибки, оправдывая мельчайшие шаги на пути к ним высшей целью, маячащей за горизонтом. Падаем и наступаем на похожие грабли, не решая изменить траекторию.

Я сижу на балконе, перебирая в руках магнитный ключ, понимая, что точка невозврата только что пройдена, дальше стоит или остановиться, или смело рвануть вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.